

СМОТРИ

ПО

ОТ

М

ТЕЛЕСКОП

Annotation

От коротенькой юморески до сатирического рассказа и от фельетона до эпиграммы — таков жанровый диапазон сборника.

Авторы критикуют расточительство и бесхозяйственность, обличают дельцов-приспособленцев, бездельников, откровенных карьеристов и эгоистов.

- [Смотря по обстоятельствам](#)
 -
 - [СТИХИ И ПРОЗА](#)
 - [Константин Берегов](#)
 - [В СМЫСЛЕ ОПЫТА](#)
 - [ШЕСТЕРЕНКА](#)
 - [Александр Петрин](#)
 - [ПРИКЛЮЧЕНИЯ СУВЕНИРА](#)
 - [СЕРГЕЙ ФОМИЧ И ЭВМ](#)
 - [НЕОБЫКНОВЕННЫЙ СЛУЧАЙ НА РЫБОКОПТИЛЬНОМ ЗАВОДЕ](#)
 - [Борис Кудрявцев](#)
 - [ЕЛИСЕЕВ И ФУНДАМЕНТ](#)
 - [НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК](#)
 - [Владимир Огнев](#)
 - [ЭВРИКА](#)
 - [ЭФФЕКТ ВОСТРИКОВА](#)
 - [Владимир Тараканов](#)
 - [„ЧЕРНЫЙ ПЕННИ“](#)
 - [МИЛО, ВЕЖЛИВО, КУЛЬТУРНО](#)
 - [ВМЕСТО ДУЭЛИ...](#)
 - [Людмила Федоренко](#)
 - [КАКИЕ МЕЧЕТИ В СТАМБУЛЕ!](#)
 - [Леонид Саксон](#)
 - [„СЕРЫЙ В ЯБЛОКАХ“](#)
 - [Илья Герчиков](#)

- [НА ПРАКТИКЕ](#)
 - [ВЕСЕЛО И ДРУЖНО](#)
 - [ГВОЗДЬ](#)
- [Владимир Иванов](#)
 - [МАРАФОН](#)
 - [ДУСЬКИН СОН](#)
- [Владимир Короткий](#)
 - [НАСТОЯЩИЙ МУЖЧИНА](#)
 - [ПРИВЕТ ИЗ ЗАНЗИБАРА...](#)
- [Семен Нестеров](#)
 - [ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ КРИЗИС](#)
 - [АПЕЛЬСИНЫ](#)
- [Виктор Ложников](#)
 - [ХОРОШАЯ ШТУКА](#)
- [Алексей Сиваев](#)
 - [РАДИКАЛЬНОЕ СРЕДСТВО](#)
 - [СОВЕСТЬ](#)
- [Анна Колотушкина](#)
 - [МОЙ ДРУГ — ВОВКА](#)
 - [НЕСКОЛЬКО МЕДИЦИНСКИХ ИСТОРИЙ](#)
- [Виктор Асташевич](#)
 - [БЕРЕЗОВЫЕ ВЕНИЧКИ](#)
 - [ИНОСТРАНЕЦ](#)
- [Мария Кленова](#)
 - [СЕРДЦЕЕД](#)
 - [ПОМНИТЕ, У ПУШКИНА?..](#)
- [Валерий Козловский](#)
 - [КОНСТРУКТОР ИВАНОВ](#)
 - [КАБЛУК](#)
- [БАСНИ](#)
 - [Константин Берегов](#)
 - [БАБОЧКА И ЖУК](#)
 - [ГУСЬ-ХВАСТУН](#)
 - [ШЛЯПА И БАШМАК](#)
 - [КОРОВА И СЕДЛО](#)
 - [ПРИГЛАШЕНИЕ К СТОЛУ](#)

- ЖЕРТВА МОДЫ
- ИНОЙ ТАЛАНТ
- ВЕРБЛЮД И КОНЬ
- ПТИЧИЙ ПЕРЕПОЛОХ
- КОРОТКО О РАЗНОМ
 - Константин Берегов
 - ЛИЧНОСТЬ
 - Н-СКОЙ СТРОЙКОНТОРЕ
 - ВОПРЕКИ ТРАДИЦИИ
 - ФЛЮГЕР
 - ОДНОЛЮБЫ
 - КОНТРАСТНОСТЬ
 - НАУКЕ ВОПРЕКИ
 - ПРИМАЗАЛИСЬ
 - МОЧАЛКА
 - ВЕНИК
 - РЕЗЕЦ
 - КРАСНЫЙ КАРАНДАШ
 - СТАРАЯ МЯСОРУБКА
 - СМОТРЯ ПО ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ
 - Людмила Коростина
 - ***
 - ***
 - ***
 - Юрий Подкорытов
 - ПУГОВИЦА
 - ПРОБКА
 - БРИТВА
 - РЕЗЕЦ
 - Василий Макаров
 - ШУРУП
 - ЦЕНА КОПЕЙКИ
 - СИНЕВА
 - ОПТИМИСТ
 - СТАКАН ВОДЫ
 - ДАЧА

- ПОЛОЖЕНИЕ С ПРЕДЛОЖЕНИЕМ
 - НЕ ТА УВЕРЕННОСТЬ
 - Ефим Ховив
 - ТВЕРДОЕ МНЕНИЕ
 - МОЧАЛКА
 - СЕКРЕТ УСПЕХА
 - ШУТНИК
 - ЗАНОСЧИВОСТЬ
 - НЕ ВЕЧНЫЙ ИСТОЧНИК
 - СТОЙКАЯ БОЛЕЗНЬ
 - ХАНЖА
 - Рамазан Шагалеев
 - РАЗГОВОР С КРОТОМ
 - ***
 - ***
 - ***
 - ЧЕРЕПАХА
 - ***
 - СЧАСТЛИВАЯ ПРИМЕТА
 - КАК ПОЙМАТЬ ЛИСУ?
 - ОТЧЕГО СОБАКА ЛАЕТ?
 - ***
 - ***
 - Николай Егоров
 - ФРАЗЫ
 - Юрий Никитин
 - ФРАЗЫ
-

Смотря по обстоятельствам

**СМОТРУ
ПО
ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ**

Челябинск
Южно-Уральское
книжное издательство
1985

СТИХИ И ПРОЗА

Константин Берегов

В СМЫСЛЕ ОПЫТА

— Петров? Привет!

— Привет, Лисицын!

Из дальних, вижу, прибыл мест.

— Куда уж дальше, — из столицы!

Вот только с самолета слез.

— Ого! Ну как она, Москва-то?

Не жизнь, поди, а высший класс,

Шикарна, празднична, богата?

— Да уж не то, что, брат, у нас.

Столица, милый, есть столица...

— Ну, расскажи, что там и как?

— Во-первых, должен похвалиться:

Был на футболе в Лужниках.

С французами играли наши,

С большим трудом их одолев.

Вратарь хоть и не Лева Яшин,

Но, право, настоящий лев!

А на другой день... угадай-ка,

Кто в ПКО концерт давал?

— Наверно, Зыкина?

— Нет, Райкин!

Полдня билет я доставал.

А в воскресенье в «Буревестник»

Мы завалились вчетвером.

Вот это был у нас «воскресник» —

Кубинский ром, ямайский ром!..

— Ты что ж, в столицу ездил в отпуск?

— В командировке пребывал:

На родственном заводе опыт

Передовой перенимал.

— И что же ты привез оттуда?

— Жене голландское пальто
И шерстяную кофту-чудо,
Для ребятишек кое-что,

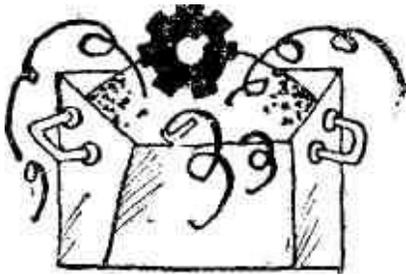

Чулки диковинные Наде
И обручальное кольцо,
Пять банок хрена в маринаде —
Язык проглотишь с холодцом...
— Постой. Я вовсе не об этом.
Я в смысле опыта...
— Чудак!
Там ничего такого нету,
У нас в цехах — все точно так.

ШЕСТЕРЕНКА

От сильного толчка
Внезапно дрогнула рука,
Резец, уткнувшись, пискнул звонко —
У Лешки-токаря внутри станка
Фасонная сломалась шестеренка.
Алешкин мастер дядя Клим

Развел руками:
— Вот досада!
Да что же мы с тобой стоим?
Менять скорее шестеренку надо.
А ну, бегом на склад техснаба!
И вот, скажи на милость:
На складе шестеренок тьма скопилась,
А нужной нету, как назло.

В ремцах заказ направлен срочный,
Да поздно: тридцать первое число!
— Завалим план, Алешка, это точно.
Четвертый час станок стоит,
Над ним дымок курится сивый —
То премия у мастера горит,
А у Алешки — прогрессивка.
И вдруг, негаданно-нежданно
Уборщица Смирнова Анна
Алешке шестеренку подает:
— А ну примерь-ка, может, подойдет?
Примерили — и вот удача!
Она! Как будто на заказ.
Кузьмич от радости едва не плачет,
Алешку охватил экстаз.
— Спасибо, Аннушка, как ты нам помогла!
Тебя расцеловать не жалко!
Да где ты эти ценности нашла?
— А там вон, за углом... на свалке.

Александр Петрин

ПРИКЛЮЧЕНИЯ СУВЕНИРА

Из выступления начальника сувенирного цеха:

— Итак, в закончившемся квартале наш цех перевыполнил план по производству сувенира «Макет доменной печи» на 112,3 процента... В новую модель внесены некоторые усовершенствования, в частности, добавлен постамент сплошного литья, так как ранее имели место жалобы, будто мебель, особенно зарубежных марок, плохо приспособлена под сувенир, который довольно увесистый, около двадцати пяти кило. Теперь же сувенир можно ставить прямо на пол в виде самостоятельной художественной ценности!.. Но нельзя не сказать насчет снабжения нашего цеха металlosырьем, которого не хватает, что тормозит...

Из выступления директора Дворца культуры на вечере артиста Н.:

— Разрешите, дорогой наш товарищ народный артист, в знак благодарности и признания преподнести вам этот сувенир!.. (Давай-давай! Заносите! Правым боком заносите! Осторожно, не оброни! Стоп! Становите!)... Итак, этот сувенир, наименование — «Макет доменной печи», изготовлен из высококачественных сортов чугуна, артикул, если вам интересно, 11232... Пусть в вашей московской квартире он напоминает вам...

Из телефонного разговора артиста Н.:

— Иван Кузьмич, голубчик, будь другом, выручи! Как говорится, по гроб жизни... Да сувенир этот проклятый! Ведь тридцать пять килограммов, с ума сойти! Вчера мой аккомпаниатор, человек молодой, спортсмен, из машины его выволакивал, так до сих пор руки дрожат, не знаю, как играть будет!.. Мне вон — когда я в одной республике на гастролях был — живого верблюда подарили, что ж,

значит, и верблюда с собой брать?.. Иван Кузьмич, друг, давай так договоримся: где ты меня просил дополнительно выступить? На рельсопрокатном заводе? Ладно, выступлю! Без денег, на общественных началах выступлю, только ты эту домну у меня заberi, договорились? Да присмотри там, на заводе, чтоб без сувениров обошлось: а то еще рельс мне подарят с именной гравировкой!

Из монолога Иван-Кузьмичевой тещи:

— Чего вытаращился? Эку махину несуразную в дом приволок, где только сыщет. Зальют глаза-то, себя не помню!.. Как сервант третий год прошу: ме-е-еста, вишь, нету... А тут гляди-ко. Я собралась здесь цветок поставить, а он — на-ко: чертовину каку-то взгромоздил! Мало у нас в каждом углу удочек насовано, патронов, пружин каких-то да винтиков вонючих, — новое дело удумал! Ну, нет! Хватит!..

Рассказ звеньевого Саши:

— Здорово нам эти штуковины помогли, утерли нос четвертому звену, будь здоров! А то — куда ни зайдешь: «Теть, есть у вас металлолом?» — «Нету, другие ребята забрали». Или дают консервные банки, крышки, в общем, всякую ерунду... Вдруг Витька бежит: «Берите, говорит, тележку, айда ко мне, отец вчера какую-то доменную печь привез, а как мать начала ругаться, так он нам отдает!» Глядим — верно: килограммов сто потянет. Сколько это надо консервных банок? Везем ее через город, рады ужасно! Вдруг старик подходит, седой такой, усы, колодочек штук двадцать. «Ребята, — говорит, — куда вы эту вещь везете?» Мы говорим: «В металлолом!» А он: «Может, заедете ко мне, я вам еще такую штуку подарю...» А нам — только давай! Старик — он генерал оказался — даже нам помогал с лестницы ее стаскивать и каждому по шоколадке дал! А к вечеру — вот потеха! — еще такую нашли в овраге! Сразу норму выполнили! Интересно, что из нашего металлолома сделают?!..

Из выступления начальника сувенирного цеха:

— Итак, в новом квартале снабжение нашего цеха металлосырьем значительно улучшилось... И мы планируем расширить выпуск сувениров, в частности сувенира — «Макет доменной печи»...

СЕРГЕЙ ФОМИЧ И ЭВМ

Внедрили у нас ЭВМ — электронно-вычислительную машину, значит.

Стоит она в отдельном кабинете, вся в индикаторах-конденсаторах, электрическими своими внутренностями урчит, глазами разноцветными подмигивает...

А мы переживаем.

Косматый малый в очках, которого к ней наняли оператором на высокий оклад, хвалится:

— Десять бухгалтерий может заменить! В нее заложено мозгов приблизительно на сто человек!

— А что, — спрашиваем, — мы теперь будем делать?

Малый подначивает:

— Да все то же: по телефону звонить, покупки обсуждать, журнал «Силуэт» прорабатывать, именины праздновать всем отделом — мало ли что...

Мы волнуемся.

Один только главбух Сергей Фомич не переживает, не волнуется.

— Чепуха! — говорит. — Машине с живым человеком сроду не сравняться! Мозгов у нее хоть и много, да не те... Не имеют той гибкости! Может она, например, все шесть номеров в «Спортлото» угадать? Нет! А я вот в прошлый тираж три номера угадал и трояк выиграл!

Малый спорит:

— Она не только бухгалтерию, — все заводоуправление заменить может! За исключением, конечно, большого начальства, которое незаменимо... Она на будущее прогнозы составляет! Вымершие языки

расшифровывает, стихи пишет и даже женихов невестам сватает...

— Языки пускай... — не сдаётся Сергей Фомич. — Насчет стишков и сватанья тоже не возражаю — это дело безответственное... А бухгалтерия — вещь тонкая, человеческого ума требует!

Приступила ЭВМ к работе — любую счетную операцию в секунду, как орех, щелкает!

Прямо цирк — что ни сочтет: верно!

Мы все сами за ней пересчитывали, потому что наш директор доверия ей не оказал и дал команду:

— Машина пускай стоит как достижение по НОТу, а вы все за ней пересчитывайте вручную... Машина не может нести ответственность — ни юридическую, ни материальную... В случае чего, под суд ее не отдашь и даже простого выговора не объявишь...

Раз спрашиваем малого:

— Может твоя ЭВМ составить такой прогноз: кого главным назначат — Шмарина или Божкова?

— Может, — отвечает малый. — Дайте о них обоих полную информацию, я перенесу ее на перфокарты — и будет точный результат!

Сообщили мы подробную информацию, запустил ее малый в машину, получает ответ: Шмарин — главный!

Мы опять волнуемся. Один Сергей Фомич не волнуется.

— Неизвестно, — говорит, — сейчас Шмарин в отпуску, там всякое может произойти и, пожалуй, наоборот выйдет...

А через три дня приходит «телега». Шмарин в отпуску так отличился, что не только в главные его продвигать, а похоже — вовсе с работы вылетит!

Мы к Сергей Фомичу:

— Как узнал?

Сергей Фомич посмеивается:

— Да он в санаторий один поехал, без жены... А когда он один едет, каждый раз влипает в какую-нибудь историю...

Малый оправдывается:

— Машина не может учитывать случайные факторы.

Сергей Фомич его осадил:

— У Шмарина привычка такая: раз без жены — обязательно история!..

Тут подошел квартальный отчет, и машина окончательно села в лужу, потеряв всякий авторитет.

Отчет она составила быстро, но вышло у нее — невыполнение плана! И, значит, кроме других неприятностей, лишение всех нас премий.

Мы пытались малого усовестить: мол, так и так, всегда шли хоть с небольшим, но перевыполнением.

А он уперся:

— Ничего поделывать не могу! Машина дает вашему труду беспристрастную оценку... на основании объективных данных.

И все такое.

— Значит, — спрашиваем, — через твою объективную машину всем нам без премии сидеть?

И директор ему втолковывал:

— Вы думали, как это может отразиться на репутации нашего предприятия? На моей лично, наконец?

Малый уперся и свое долдонит:

— Машина выше личных амбиций! Она не обучена заниматься подтасовкой фактов и махинациями...

Сергей Фомич торжествует:

— Дура твоя машина! Ничего не смыслит в составлении отчетов. Вот поглядишь у меня, как получится!

Взялся Сергей Фомич за дело, несколько дней поразмыслил, и вышел полный ажур: и перевыполнение, и премия!

С тех пор совсем эта машина захирела. Только девушки иногда забегали к ней погадать насчет женихов, но давали о себе настолько приукрашенную информацию, что никакой жених им не соответствовал, не говоря о неженатом электрике Иване, в которого большинство и целилось. Правда, одна из них, копировщица Зойка,

выскочила замуж за самого очкастого малого. Но это случилось без всякого содействия со стороны ЭВМ. У Зойки хоть мозгов не больше, чем у курицы, однако насчет того, чтобы задурить парню голову, никакая ЭВМ с ней не сравнится.

А скоро этого малого совсем уволили, когда начали внедрять объединение функций и его функции передали электрику Ивану.

Иван, несмотря на шесть классов образования, ничуть не растерялся и повытаскивал из машины множество диодов-триодов, которыми каждый вечер торговал у магазина «Радиотовары». Правда, машина сильно сопротивлялась и три раза чуть не до смерти убивала током, когда тот ковырял в ее внутренностях, выискивая, чего бы еще отвинтить, но Иван был парень упорный и целеустремленный.

Окончательно доконал ЭВМ Сергей Фомич.

Он больше всех ее ненавидел и, проходя мимо, не раз говорил:

— Все же будет ей хана.

И когда спустили нам очередной план по металлолому, которого у нас сроду не водилось, Сергей Фомич выискал какую-то статью, чтобы списать ЭВМ с баланса!

Потом позвали слесарей с автогеном, разделали ее на куски и без всякой мороки выполнили план по металлолому, да еще и премию получили. По 32 копейки на нос.

— Пока я жив, — гордо сказал Сергей Фомич, — обойдемся без ЭВМ!

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ СЛУЧАЙ НА РЫБОКОПТИЛЬНОМ ЗАВОДЕ

Первым пострадал юрисконсульт Ершов.

Красный от возмущения, он ворвался в завком, хлопнул портфелем об стол и закричал:

— Какая там идиотка в проходной стоит! Где Иван Терентьевич?

Иван Терентьевич был старый заслуженный вахтер, знаменитый тем, что в течение рабочего дня успевал прочитать от доски до доски все газеты и журналы, поступавшие на завод, причем больше всего интересовался жизнью американских гангстеров, а также дальнейшими похождениями Жаклин Онассис и экс-шахини Сурейи.

— Захворал Иван Терентьевич! — ответил предзавкома Скворцов. — Временно взяли какую-то бабу... А что?

— А то, что сейчас иду я через проходную, а она мне: «Покажите сверток!» Как вам нравится такое хамство? У меня образцы продукции, в арбитраж хотел занести, показать там, девочки давно просили... Они для нас много делают, неудобно отказать... Я говорю: «Не имеете права!» А она мне инструкцией в нос тычет, как мальчишке какому!

— И отняла? — ахнул предзавкома.

Ершов, не в силах вымолвить ни слова, кивнул, а все, находившиеся в завкоме, дружно захохотали.

Через минуту весть о комическом происшествии с юристом разнослась по всем отделам, и в завком набилось множество шутников, желавших выразить юристу сочувствие и узнать подробности...

Веселье возросло, когда в завком явился второй пострадавший — инженер по НОТу Колесников, назубок знавший организацию производства во всех зарубежных фирмах и концернах.

— Можете радоваться... — уныло сообщил он. — Я сколько раз начальству толковал: «Главное — отбор кадров...» На Западе как? Там кадры комплектуются по принципу компетентности! Взять, к примеру, организацию труда у Форда: там все от главного директора до последнего подметалы — высококвалифицированные специалисты! Подметала — профессор метлы! В

проходной, возможно, поставлен юрист с ученой степенью...

— Но-но! — обиделся Ершов. — Будет тебе юрист в проходной стоять! Может, там инженер по НОТу поставлен, почему ты знаешь?

— Это я к тому, — миролюбиво пояснил Колесников, — что у нас поставят абы кого, а ты толкуй с ним!.. Я десяточек рыбок нес, дома показать, а она мне: «Давай бумажку от директора, разрешение на вынос...» Я ей говорю: «Дура ты, что же я и буду каждый раз за бумажкой бегать, надоедать?.. Если бы вагонетку вез — тогда другое дело! У директора совсем иные функции, чем переписку с вахтершей вести... Это считается — непроизводительная затрата времени!.. Ты Терещенко читала?» А она: «Я инструкцию читала, нельзя без разрешения!»

— Вот дура! — изумились слушатели.

— Как дуб! — подтвердил Колесников. — На Западе, прежде чем человека на работу взять, проверяют умственные способности при помощи психологических тестов. А у нас только болтают: НОТ, НОТ!.. С такими дураками никакого НОТа не наладишь!.. Вот в японском концерне Мацуситы как дело поставлено? Там рядовому охраннику и в голову не придет оскорблять инженерно-технический персонал, унижать его...

Третьего — экономиста Мустафаева, ввиду его малой загруженности, откомандировали к проходной в качестве наблюдателя.

Он то и дело прибегал с веселыми сообщениями:

— Петренку задержала! Матом ее кроет, а ей хоть бы что!..

— Лидочка попалась!.. Плачет, бедненькая...

И делился собственными впечатлениями:

— Настоящая кретинка! Никаких резонов не признает! Прямо — Пришибеев в юбке! Интересно узнать, замужем она или нет? Вот, должно, муж несчастный...

Всеобщее веселье значительно ослабло, когда прибежал мастер погрузки и сообщил, что грузчики собираются увольняться в полном составе.

— Где я грузчиков возьму! — кричал он, чтоб было слышно в кабинете директора и главного инженера. — Они так прямо и заявляют: «Раз нам не дозволено себе по рыбке на закуску взять, то «будьте здоровы, живите богато», как в песне поется!» И уйдут, если их не стимулировать! Для них все пути открыты! На гастрономе второй год висит объявление: «Требуются грузчики!» Без стимула кто грузить будет? К директору пошел, он говорит: «Она не наша, из вневедомственной охраны, и не придерешься, все по правилам делает, как-нибудь улаживайте...» А как я улажу? Грузчики уйдут — прогрессивке каюк! Кошмар какой-то!..

— Один некомпетентный, умственно отсталый человек может все производство развалить, — мрачно пророчествовал Колесников. — В итальянской фирме «Фиат» был такой случай...

Он чуть не оказался прав. Два дня завод работал спустя рукава: все только и делали, что расспрашивали пострадавших, ругали дуру-охранницу, сравнивали ее с другими дураками, встреченными в жизни.

Вдобавок грузчики уже написали заявления об уходе по собственному желанию.

Неизвестно, что произошло бы дальше, но на третий день Иван Терентьевич выздоровел, уселся на своей обычном месте, шурша страницами газет, накопившимися за три дня.

— Бандюга-то этот опять убег! — сообщил он юристу Ершову, шедшему через проходную.

— Какой?

— Да этот... как его... Что банк ограбил... В Австралии он оказался!.. Однако прихватить его не успели, еще куда-то скрылся... Вот черти-то!.. Так и скачут из страны в страну наподобие блох...

— А как шахиня поживает? — поинтересовался Ершов.

— Сурейя-то?.. Ей — что?.. Деньжат поднакопила... Тут вот что любопытно: кто теперь у американских банкиров главным будет? Неразбериха там порядочная идет...

— А твое как здоровье? — спросил Ершов.

— Да еще поработаю!.. — бодро ответил Иван Терентьевич.

И Ершов, успокоенный, отправился по своим делам, помахивая рыбкой, которую давно дожидались девушки из Госарбитража.

Борис Кудрявцев

ЕЛИСЕЕВ И ФУНДАМЕНТ

«Что лучше: когда одно дело у многих или когда много дел у одного человека?» — заспорили в проектном бюро.

— Смотря каких дел, — раздумчиво сказал Чеховин, инженер по фундаментам. — Купить сигарет, продуть жиклер у «Жигулей» или полить цветы на балконе я могу один. Но заложить фундамент дома...

— Тоже сможешь, если захочешь! — сердито сказала Матильда Ивановна, инженер по стенам.

Чеховин обиделся:

— У меня не десять рук!

— Подумаешь, фундамент! — ехидно хихикнул специалист по перекрытиям и кровле Алебастров. — При современной технике. Раз плюнуть...

Чеховин перешел в атаку:

— С таким же успехом можно в две руки поставить стены и вообще закрыть контур здания!

Специалисты возмущенно загомонили, не соглашаясь. Потом решили: надо провести эксперимент! Мысль сама по себе интересная. Не пропадать же ей даром! Может быть, откроется какая-то перспектива, наметится путь...

Короче, пусть новый дом строит один человек. От фундамента до крыши. Дел у него будет много. Тогда и решится, что лучше: когда одно дело у многих или когда много дел у одного.

Тут же составили проект. Фундамент выбрали самый перспективный — свайный, стены сборные, кровлю с утеплителем. Этажей — девять. Согласовали исполнителя — бригадир Елисеев. Мастер на все руки: плотник, арматурщик, бетонщик, сварщик, стропальщик, монтажник...

Диспетчер поклялся взять эксперимент под контроль, снабжать материалами в первую очередь. Без задержек. Елисееву решили пока не говорить, что он обречен на одиночество. Чтобы не волновать. Сам потом поймет, в процессе.

Позвонили социологам, психологам. Те разволновались, заохали. Мировой эксперимент. Будут тесты...

Елисеев с утра пораньше принялся забивать сваи. Дело привычное. К обеду забеспокоился — никого нет! Пропали? Пошел искать мастера — не нашел. Позвонил прорабу. Не откликается. Подумал и опять начал загонять в землю сваи. Благо они под рукой. Целая гора.

— Может, так и лучше, — подумал он. — Никто не отвлекает.

С фундаментом управился в срок. Начал стеновые панели прилаживать. Одну к другой. Глядь, депешу несут, распоряжение: отрядить представителя для подписания договора на соревнование СУ со СМУ. Немедля! Срочно!

Побежал Елисеев в контору. Подписал. Обещал бороться за победу по всем показателям, экономить каждую минуту... Летит обратно к своему фундаменту. А там комиссия. Ждет, негодует. Требует, не откладывая, провести на стройку, показать, как складироваться стройматериалы, как используются механизмы и соблюдается техника безопасности.

Пришли из стройкома, записали в художественную самодеятельность, вручили билеты в театр и путевки на базу отдыха. Приказали все срочно распространить. «Обратно не примем!»

Приехала на такси бригада из филармонии. Певица в шелковом платье и два гитариста — ее внуки. Потребовали собрать зрителей. Уехали разобиженные. Пригрозили — будут жаловаться.

Репортер-практикант из многотиражки два часа выпытывал про прогульщиков. Обещал изменить фамилии, не соглашался только менять цифры: сколько

потеряно человеко-дней, кто в вытрезвителе. Слушал, недоверчиво улыбаясь. За сваи прятался с фотоаппаратом, с разных сторон подкрадывался. Под конец вздрагивать стал, пугаться. С непривычки. Ужас какой порядок! Все в прогуле. Газета сообщила, что на стройке у бригадира Елисеева развалилась дисциплина, дело дошло до того, что бригадир один строит дом. Редкий случай. Работает он с огоньком, соревнуется со СМУ, записался в пять кружков художественной самодеятельности и скупил все билеты в театр, крепко сдружился с творческой бригадой из филармонии...

После этого Елисеева срочно затребовали в постройком и предложили поделиться опытом воспитательной работы.

Елисеев день делится, другой — сидит на собраниях, на третий — к своему фундаменту на крыльях летит.

Но вот в августе потребовалось выделить половину людей на свеклу. Выделил. Половину. Стал появляться на фундаменте через день.

В сентябре прикинули в конторе:

— У тебя, Елисеев, стройка не пусковая! Нет ее в титуле. Значит, не горит. Горит в других местах. Вторую половину рабочей силы переведи туда, где горит...

Перевел. Руки-ноги на пусковой стройке, а мыслями — к осиротевшему фундаменту возвращается. Душа болит. Как там?

А никак. Зарастает травкой, птички на сваях гнезда вьют из подручного материала.

И грянул гром! Общественность смотрела, смотрела и возмутилась. До каких пор! И прочее... Потащили Елисеева на ковер объясняться, потом поволокли по инстанциям. Стружку сняли: за нарушение графика строительства, за простой механизмов, за текучесть кадров и развал работы с ними.

— Не создал ты условий, не обеспечил. Обратился бы за помощью к ученым, в проектный институт...

Но в проектное бюро было не до Елисеева с его фундаментом: половина состава плавала в бассейне «Ромашка», сдавала нормы в зачет спартакиады, другая половина — пела в клубе в зачет районного смотра художественной самодеятельности. Затем надо было выехать всем составом в гости к соседям, подводить итоги соревнования, выпустить газету, провести шахматный турнир, рейд...

Спор о том, что лучше: когда много дел у одного человека или одно дело у многих, — угас сам собой.

НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Распределился после института в проектный отдел. Явился по адресу.

— Работы завал, — обрадовались там, — специалисты позарез... Точи карандаш и рисуй!

Я сел за стол и взял карандаш.

— Не надорвись, — сказал кто-то, — выйдем!

Вышли.

— Не будь дураком, очень-то не старайся!

Я кивнул, вернулся и взял карандаш.

— Покурим? — хлопнул кто-то по спине.

— Если недолго...

— О чем тебе говорил только что Вилкин?

— Чтобы я не работал.

— Подлец! Вечером выступишь на собрании...

Я кивнул, вернулся и взял карандаш.

— Выйдем! — сказал Вилкин. — О чем тебе только что говорил Колышкин?

— Чтобы я выступил против вас на собрании.

— Спокойно! — закричал Вилкин и кинулся в туалет выпить воды. — Сейчас что-нибудь придумаем!

Я вернулся и сел рисовать.

— Хватит сидеть, — сказал Колышкин, — не до работы... Ну-ка выйди! Быстро...

Я выскочил. Один. За дверью зашумели. Кричал Колышкин, орал Вилкин.

Вызвали меня. К начальнику.

— Послушай, — сказал он, — ты человек новый, поэтому можешь не знать: будь осторожней, не ввязывайся!

— А я ввязываюсь? Они сами...

Я вернулся к себе и сел рисовать.

— Хватит пахать! — сказал Вилкин.

— Пойдешь с нами! — приказал Колышкин.

Вышли.

— О чем тебе говорил начальник? — спросили Колышкин с Вилкиным.

— Чтобы я не ввязывался.

— Дурак он после этого! — возмутился Колышкин. — Ничего не понимает!

— И карьерист! — кивнул Вилкин.

Я вернулся к себе.

— Новенький, к начальнику! — позвала секретарша.

— Что тебе говорили Вилкин с Колышкиным? — спросил начальник.

— Что вы дурак и...

— Довольно! — сказал начальник. — И ты поверил? Я не хотел говорить тебе, но теперь скажу: Вилкин — лодырь, а Колышкин — склочник, каких свет не видывал! Что с ними делать, как ты думаешь? Может, уволить?

Я кивнул и вернулся к себе.

— Мы тебя ждем! — сказал Колышкин.

Вилкин выкинул мой карандаш в окно.

Вышли.

— О чем говорил начальник?

— О том, чтобы вас уволить.

— Ах так! — заорали оба и метнулись к начальнику. Меня волокли с собой.

— Ну! — грозно спросил начальник. — Опять?! Ты зачем к нам пришел? Работать? Или?!

— Работать! — крикнул я. — Работать!

— Что-то не видно! — ехидно захихикал Вилкин.

— Даже не пахнет! — сказал Колышкин.

— Даю тебе испытательный срок! — подумав, решил начальник. — А там...

Я побежал к себе, сел за стол и схватил карандаш в обе руки.

— Не психуй, — тихо подошел Вилкин. — Выйдем, что-то скажу.

Я не пошел.

— Куда тебя звал Вилкин, что хотел сказать? — шепнул Колышкин. — Выйдем, расскажешь.

Я отказался. Они побежали к начальнику.

— Новенький! — кричала секретарша. — Иди к начальнику!

Я не пошел. Ни к кому. Работал. «Отстаньте! — кричал. — Отстаньте все!»

К вечеру меня уволили. За неуживчивость и склоку, за неподчинение приказу и малую отдачу.

Владимир Огнев

ЭВРИКА

Бывало, звонит мне на работу супруга моя, Татьяна Евгеньевна, и говорит:

— Дорогой, мне тут внука подбросили. Извини, не могла сходить за хлебом. Купи, пожалуйста, сам.

Что я? Ворчал, конечно. Подумаешь — внука привели. Проблема. Одно удовольствие посидеть с ним, прогуляться. До магазина, например. Но обед из-за этого задерживать? Или рубашку не отгладить? Чепуха какая...

А тут подвернулась «горящая» путевка в санаторий. В тот самый, о котором она давно мечтала. Срочно, за два часа собрал я Татьяну Евгеньевну. Ну, это, конечно, только говорится так: «собрал я». Она сама собиралась, но... так уж принято говорить. Собрал, значит, я Татьяну Евгеньевну и отправил здоровья поднакопить.

Утром — стук в дверь. Не звонок, а стук... Явно, ногой... Открываю — Димка. Один.

— Где, — спрашиваю, — мать или отец?

— Ха, — отвечает. — Ма уже на работу пошла, па — в командировке. Я к бабе.

— Заходи, — говорю. И кричу: — Таня!

Боже, а Татьяны-то Евгеньевны нет! Сам же ее отправил вчера. «Вот и мне подбросили внука. Ну и что? Это же одно удовольствие». А Димка кричит:

— Дед! Дай вкусенького!

Еще курточку не снял, шлемец, а уже проблемы передо мной ставит. Чем его накормить? Нашел кулечек с изюмом — Димка в восторге. Но мне-то что делать? В девять тридцать надо в институте быть — экзамены у студентов принимать, потом — местком. И статью в журнал отвезти надо сегодня. Как же с Димкой? А он, сорванец, уже кричит:

- Дед! Давай бум-бам делать!
- Это, — говорю, — что такое?
- А это я тебе на плечи — и поедем.
- Куда?
- Гулять!

С детьми надо осторожно. Ребенка обидеть трудно ли? Тем более такого капризулю. Посадил Димку на плечи, бегу в институт. Вспоминаю случаи, когда матери детей с собой на работу приводили. Бывало ж такое, почему мне нельзя? А Димка за уши меня схватил и... рулит. И все, разбойник, норовит в другую сторону меня развернуть. Взмок я весь, пока до института добрался. За углом еле-еле стащил его с плеч, объясняю:

— Понимаешь, молодой человек, мне тут бум-бам неудобно делать. Доцент я все-таки, без пяти минут профессор. Ты уж иди рядом. А я тебя сейчас устрою за столом, бумаги дам — рисуй. Лады?

- Лады. А карандаш зеленый у тебя есть?
- Красный есть.

Заходим в аудиторию, студенты встают, улыбаются. И Петунин здесь. Опять с чужой группой сдавать пришел. Ох, не люблю я Петунина. Несобранный какой-то. Что из него только получится? Вызвал я Семенова, начал он отвечать, а Димка тут как тут: подбегает, рисунок показывает.

— Хороший, — говорю, — верблюд. Рисуй дальше.

— Это не верблюд, это конек-гор-р-бунок, — заявляет Димка. — А теперь, деда, ты мне нарисуй эту... синусиду.

Наслушался уже, шельмец этакий. Студенты в кулаки прыскают, смехом давятся, а Димка не отстает: подай ему синусоиду. И норовит опять мне на плечи взобраться.

Тут подходит к нам Петунин:

— Разрешите, Иван Егорович, я с вашим внуком займусь.

Димка смотрит недоверчиво и вдруг спрашивает:

— А ты, дядя, тоже без пяти минут?

Не знаю, как я сквозь пол не провалился. Опомнился, когда Петунин с Димкой в коридор вышли.

Принимаю экзамены, а сам думаю: пожалуй, несправедливо я к Петунину относился. Неспособным его считал, чуть ли не дураком, а он, оказывается, умница. Ну, может, ленив немножко, да ведь главное — соображает. Нашел же выход!

Отпустил последнего студента, выхожу во двор и диву даюсь. Петунин конспекты моих лекций читает, а Димка сидит рядом на скамейке, что-то из бумаги мастерит. На меня и не смотрит: занят, увлечен. Петунин улыбается:

— Занимайтесь, Иван Егорович, делами. Мы подождем.

...Сижу на заседании месткома, вполуха слушаю, а сам думаю: «Почему же наш Димка-нелюдимка, от чужих дядей и тетей шарахающийся, с Петуниным пошел? Почему, когда меня во дворе увидел, не заревел, не кинулся к деду? Что в нем такое есть, в этом Петунине? Чем мальчишку привлек?»

...Через час новую картину наблюдаю: стоит Димка перед Петуниным и научный доклад делает о наблюдениях за муравьями. А вокруг мальчишки собрались, то поправляют оратора, то одобрительно покрикивают. Проямлил я что-то насчет статьи, редакции, а Петунин опять улыбается:

— Да не волнуйтесь, Иван Егорович, поезжайте. Я свободен сегодня и могу Димку домой отвести.

Отдал я Петунину ключ от квартиры и бегом за такси. Через час домой приезжаю и глазам не верю: Димка манную кашу уплетает. И не скандалит, не брыкается, с аппетитом ест, разбойник. Оторвется, пощупает мускулы на руке — и опять за ложку.

Попятился я из кухни и кричу (мысленно, конечно) про себя: «Эврика!» Понял, что Петунин — настоящий талант. Да таких, как он, в наш педагогический институт без экзаменов принимать нужно!

Позвал я Петунина в кабинет и крупно вписал в зачетную книжку: о т л и ч н о.

ЭФФЕКТ ВОСТРИКОВА

Однажды пришла в наш дом комиссия.

— Пора капитальный ремонт делать, — сказала член-представитель, молодая симпатичная женщина. — Готовьтесь. Ждите дома.

— Как дома? — говорю. — Я на работу ходить должен.

— Это нас не касается. Ждите.

Взял отпуск, жду. Через неделю приходят два веселых молодых человека.

— Мы, — говорят, — водопровод менять будем, холодный и горячий. И давай трубы вырезать. Газ синим пламенем горит, стены — красным.

— Ребята, — не выдержал я. — Жалко стены жечь. Подложили б чего-нибудь за трубы-то.

— Нам, — смеются, — за это не платят. А если переживаешь, съезжай на время ремонта к знакомой. Нервы сохранишь. А может, даже женишься.

Ушли ребята, сижу без воды. Неделю сижу, другую. Нашел их во дворе: в картишки играют.

— Долго, — спрашиваю, — без воды сидеть?

— Долго, — отвечают. — Начальство решает, менять канализацию или не менять. Если менять — водопровод нельзя делать. Сиди дома, жди.

Через день приходит мрачный детина, басит:

— Мойку новую ставить будем. Надо дырки в стене рубать.

Начал рубать. Топором. Раз по стене, раз по дверному косяку.

— Косяк-то зачем рубить? — спрашиваю. — И стену жалко. Сверлом бы?

— Ты не тарихти под руку, — отвечает. — Лучше опохмелиться поднеси.

— Опохмелиться у меня нету.

— А у меня другого инструмента нету. Не дают. А если бы и дали, так не с руки его таскать: позабудешь где-нибудь, потом ищи.

Через неделю пришли четверо. Отопительную систему менять. Опять стены горят, и пол тоже. А дырки уже не топором, а ломом пробивают. Пыль столбом.

— А как насчет воды? — спрашиваю. — Помыть бы.

— Начальство решило канализацию менять. Скоро ломать придут. Жди.

Взял отпуск без содержания. Жду. Теперь уже на крылечке.

Вот тут-то и встретился я с умным человеком. С Сашкой Востриковым, однокашником своим. Давно мы не видались, лет пять. Въехал он в наш двор на собственных «Жигулях», в импортной желтой куртке с пятнадцатью замками-молниями.

Смеется.

— Человеку, — говорит, — удача в руки идет, а он ушами хлопает. У меня, — говорит, — и слава, и карьера от ремонта пошли.

И рассказывает:

— Было и в моей жизни такое, как ты говоришь, «стихийное бедствие». Но как я поступил?

Контакты установил. Узнал, что трубы менять будут — сразу в магазин. Ножовку приобрел и за час все трубы у себя выпилил.

Бригадир приходит — хвалит.

— Молодец, классная работа.

Опроцентовал ее и говорит:

— Вместо премии тебе в первую очередь новые трубы поставим. Видишь, — в окно показывает, — завозят уже.

Не стал я ждать. Натаскал труб и стал газосваркой овладевать. Подчитал малость, присмотрелся на соседней стройке — и сам новые трубы поставил.

Бригадир приходит — радуется. Опроцентовал работу, то есть в свои показатели занес, и руку мне пожал. А я не медлю — краски, эмали и лаки разные достаю, малярным ремеслом овладеваю. Заблестела квартирка.

Бригадир уже вместе с начальником участка пришел. Цветы мне подарили. И, конечно, работу опроцентовать

тоже не забыли.

А когда я ковры финские раздобыл и на полы приклеил — сам управляющий приехал.

Между прочим, широко мыслящий человек.

— Тебе, — говорит, — разъяснительную работу с другими жильцами надо бы провести. А мы поможем, экскурсии к тебе посылать будем из числа ремонтируемых.

— Отличная мысль, — говорю я.

И начал пропаганду своего опыта вести.

Через месяц трест впервые план выполнил, жалобы почти прекратились. Управляющий меня референтом к себе взял. А через полгода заместителем своим назначил — по пропаганде нового метода ремонта.

Сейчас одних премиальных получаю...

А ты говоришь, — «бедствие».

Владимир Тараканов

„ЧЕРНЫЙ ПЕННИ“

Прошу вас, прочтите до конца этот рассказ и порадитесь вместе со мной — сегодня у меня двойной праздник. Представляю, какое будет лицо у Бориса Сергеевича, когда он узнает от вас то, что я вам сейчас расскажу.

Вы спрашиваете: кто такой Борис Сергеевич? Во-первых, мы с ним дружим семьями. Во-вторых, Борис Сергеевич для меня является своеобразным раздражителем. Скажем, достал он новую ондатровую шапку. Если я об этом узнал — не могу есть-спать, пока не добуду две: себе и сыну-дошкольнику. И обе — из бобров. Или устроил Борис Сергеевич собственный выезд на «Москвиче». Завтра не иду пешком и я — под окном «Лада». И так везде и во всем. Не будь Бориса Сергеевича, я был бы рядовым серой миллионной массы: стоял бы в очередях за ординарной колбасой, ел-пил за столом производства соседней мебельной фабрики и из чашек-кружек местного фарфорового завода. Но Борис Сергеевич, слава богу, есть. Поэтому все продукты получаю в кабинете заведующей «той базой», а моя четырехкомнатная полнометражная квартира увешана импортными коврами и обставлена первоклассной мебелью и хрусталем.

— И в нашей провинции можно быть белым человеком, — при очередной встрече у меня, разливая по рюмкам «Наполеон», говорю Борису Сергеевичу. — Вчера по случаю достал дубленки себе, жене, сыну, дочери, теще — всей родне.

Затем веду Бориса Сергеевича в соседнюю комнату, где на полу кучей лежат девять канадских дубленок. Беру одну, выворачиваю мехом наружу, прошу Бориса

Сергеевича мять кожу, обращаю его внимание на шов. Возвращаемся к столу. Борис Сергеевич выпивает коньяк, закусывая завистью. А я молча праздную еще одну победу...

Так, не спуская глаз с Бориса Сергеевича, то догоняя его, то резко обходя на поворотах, я жил-поживал до тех пор, пока однажды не познакомился с филателистом Ивановым.

Свою занимательную лекцию, густо сдобренную легендами о собирателях марок, Иванов закончил словами:

— На земле одна-единственная ценность — марка. Ради нее стоит каждое утро бриться...

Болтовня Иванова о марках запала в голову. Среди наших с Борисом Сергеевичем знакомых никто не имеет редких марок. А что, если... Нет, единственную на земле марку Британской Гвинеи 1865 года мне не достать. Иванов говорил, что в США за нее миллионеры дерутся. Сегодняшняя ее цена — 300 тысяч долларов. Я, к сожалению, им не конкурент.

Первая русская марка? В наших кругах русским никого не удивишь. А вот «Черный Пенни...» Первая почтовая марка в мире... Английский «Черный Пенни...» Звучит! Если ее достать, Борису Сергеевичу insult обеспечен...

Месяц об этом думал. Позвонил Иванову. Встретились. Он сообщил, что «Черный Пенни» — марка у нас редкая, но при большом желании достать ее можно.

Не буду утомлять подробностями, как я, якобы в командировки, летал в Киев, Хабаровск, Астрахань, Оренбург и десятки других городов. «Черный Пенни», наконец, нашелся. В Казани. Но его владелец даже слушать не захотел о продаже. После трехмесячных переговоров согласился на обмен. Потребовал пятнадцать русских земских марок конца прошлого века. Рядились еще месяц. В конце концов столковались на десяти.

Филателистов, имеющих в своих коллекциях земские марки, по стране искали не только сотрудники нашего

научного института, в котором я числился, но и танковая часть, где командиром был мой троюродный брат. И, как поется в песне, кто ищет, тот найдет...

За первую двухкопеечную марку (квадратный ромб, 1898 год) Вятского уезда я заплатил только что привезенным из Риги ореховым гарнитуром. Когда грузчики выносили его из квартиры, жена ревела, как малый ребенок. Но эти слезы были не последними. Вертикальная овальная марка с бескрасочным тиснением в центре Лужского уезда (1869 год) была приобретена за перламутровый сервиз на 12 персон, единственный в нашем городе. За этот сервиз жена пообещала меня отравить цианистым калием.

Две следующие марки — Лебединского и Шацкого уездов — достались, по мнению супруги, «малой кровью». За первую мне пришлось устраивать в институт международных отношений пятерых внуков старичка-филателиста. За вторую же я отдал девять канадских дубленок (забрал у родственников — новые добывать было некогда) и старую норковую шубу жены.

Марка — ромб Волчанского уезда (1883 год) — была приобретена мною на деньги, вырученные от продажи двухэтажной дачи, где любила отдыхать теща. После этой продажи-купли теща попросила меня не называть ее мамой.

А вот трехкопеечная марка Котельничского уезда (1870 год) была мне подарена почти так. Ее владелец, борец-перворазрядник Петя Зайчик, сказал:

— Завтра у меня с кандидатом в мастера Иваном Поддубным схватка. Если я уложу его — марка будет ваша. Молитесь за меня...

Я молился всю ночь. Небесный царь, видимо, услышал мои заклинания. Зайчик за «три минуты» разделался с соперником. Но просто так я взять марку не мог. Пете Зайчику за нее отдал бобровую шапку. А шапку сына-дошкольника накануне «подарил» кандидату в мастера Ивану Поддубному...

Но подобные подарки бывают не каждый день. И за марку Тамбовского уезда (1870 год), которая является одной из самых миниатюрных в мире (11,25×14 миллиметров), я отдал почти все, что у меня оставалось к

этому времени. К новому владельцу моей «Лады» ушла жена. После «обмена» четырехкомнатной полнометражной квартиры на однокомнатную с соседями мои родные братья и сестры стали настоятельно требовать, чтоб я показался психиатру. Послав их к черту, загнал фотокамеру «Никон», японский магнитофон, книги Бунина, Евтушенко, Ахматовой, Шукшина и других сочинителей, которые просто так в магазинах не продаются, и с добытыми деньгами отправился за «малышкой».

И вот, наконец, десять земских марок у меня в спичечном коробке. Вылетаю в Казань. Получаю свой «Черный Пенни». Возвращаюсь домой и в первый же вечер приглашаю в гости Бориса Сергеевича. И, как бы между прочим, рассказываю о «Черном Пенни» и показываю марку.

Марку Борис Сергеевич рассматривал долго. Сначала — так, потом — через лупу.

— А нет ли у тебя микроскопа? — спрашивает.

— У меня нет, а у соседа-биолога есть.

— Тащи.

Борис Сергеевич еще полчаса изучал марку через окуляры. И сказал, будто выстрелил:

— А ведь она фальшивая!

...Сегодня я возвратился из больницы. Шесть недель меня лечили от инфаркта миокарда. Марка же оказалась настоящей. Это письменно подтвердил столичный эксперт. Пока я еще слаб, сообщите об этом Борису Сергеевичу.

МИЛО, ВЕЖЛИВО, КУЛЬТУРНО

Лишь злые языки утверждают, что у нас того нет, а другого мало. Неправда это. У нас есть все. И не в одном-двух экземплярах, а вагонами. И большими, и маленькими тележками. Базы торгов забиты товарами. И не только базы торгов. Всего в достатке и на складах магазинов.

Если же некоторые возвращаются из торговых храмов с пустыми руками, так в этом виноваты... сами. Не умеют быть покупателями. Не могут найти общего языка со служителями прилавков.

Какие говорят слова в магазине? Чаще всего, раздражающие жрецов торговли. Вроде того: «Когда вы насытитесь дефицитными товарами?» Или того лучше: «Народных контролеров на вас нет...»

А зачем говорить эти обидные слова? Дефицит — это тот же озон. Сколько ни дыши, все дышать хочется. И самому, и родственникам, и знакомым. А народных контролеров, действительно, на всех не хватает. Это я знаю наверняка.

К посещению магазина я готовлюсь как ко дню рождения. Иду как на праздничную демонстрацию. Надеваю лучший галстук, костюм, туфли. Тщательно бреюсь. В кармашке, как у жениха, ромашка. Или другой цветок с чужой клумбы.

Заранее узнаю имя и отчество заведующей необходимой мне секции. При встрече с ней бодрым голосом желаю доброго здоровья. На восточный манер расспрашиваю об успехах не только ее сына или дочери, но и ее сестер, братьев и других родственников. Желаю им стать долгожителями. Поговорив об этом, называю свое имя, рассказываю о своих успехах в общественной и личной жизни. Между прочим, интересуюсь, как выполняется план в этом прекрасном магазине. Говорю, что готов поддержать данное торговое учреждение своей трудовой копеечкой. Называю ту вещь или продукт питания, которые мне нужны.

Я улыбаюсь, мне улыбаются. Просят пойти в кассу и выбить на нужную сумму чек. Затем меня приглашают в склад при магазине. Показывают не десятки, а сотни импортных джинсов. На выбор. А хочешь зимнюю резину для «Жигулей»? И я спокойно выбираю. Никто у меня не рвет из рук дефицит. Никто на меня не кричит, что я копаюсь, как сытая обезьяна в бананах. Никто мне не

напоминает, что магазин закрывается. Наоборот, специалисты мне подсказывают дефекты вещи. Советуют взять именно эту, а не ту. Затем мне покупку либо заворачивают, либо грузят на машину.

Я говорю: «Спасибо». Мне говорят: «Приходите к нам еще».

Забыл сообщить одну деталь. Перед тем, как вести разговор с заведующей секцией, захожу к директору магазина и подаю ему записку от своей жены, которая работает начальником городского управления торговли. Мило, вежливо, культурно...

ВМЕСТО ДУЭЛИ...

Раньше было так. Если тебя кто на балу ненароком толкнул или вслух сосчитал на лице дамы твоего сердца веснушки — становись к барьеру. Обида смывалась кровью. Эти поединки происходили в присутствии болельщиков. Их тогда называли секундантами.

Сегодня стрельба из пистолетов по людям — пережиток прошлого. Да и за хранение огнестрельного оружия по головке не погладят. Но ведь обиды никто не отменял. А рыцарский дух... куда его денешь?

...На днях позвал меня начальник отдела и говорит:

— Я знаю, что в рабочее время вы часами играете в «балду», а в заявлении на квартиру записали не живущую с вами тещу. Второго ребенка рожать не собираетесь, но тем не менее идите в профком и получайте ордер...

Я побледнел от обиды и... говорю:

— Большое спасибо, Пал Палыч!

Благословив на получение ордера, председатель профкома пояснил:

— Квартиру вы получаете только потому, что у нас в институте больше нет нуждающихся. Сами понимаете — не сдавать же ее обратно горисполкому...

Побагровев, я... поблагодарил.

Отдел у нас большой — человек двести. Но друг про друга мы знаем буквально все: и кто с кем ездит в дом отдыха, и что у человека сегодня на ужин. За спиной через три стола громкий разговор обо мне ведет старший инженер по новым идеям Лидия Степановна:

— Везет же этому проходимцу. А говорят, всего четыре класса образования имеет. Диплом за бочку самогона купил. Прикатил в институт бочку — ему диплом прямо на бочке и выписали. Конечно, сам не просыхает. Как по женской части? По трем исполнительным платит. А четвертая брошенная жена с пятью малютками союзный розыск объявила...

Когда я обернулся, Лидия Степановна, показав белоснежные зубы, сказала:

— Поздравляю с трехкомнатной квартирой, Михаил Павлович.

Задрожав, будто через меня пропустили ток высокого напряжения, я... ответил лучезарной улыбкой.

На обед мы пошли с Виталиком из отдела информации. С ним мы старые приятели: в свое время ездили со студенческими отрядами, занимались в студии живописи при Дворце культуры, имели постоянные места в концертном зале. Правда, Виталик все это давно забросил, увлекся походами по ресторанам.

— Не запирайся, старик, не запирайся, — сказал мне Виталик. — Я располагаю железными сведениями. Молодец, что старую квартиру загнал за шестьсот. Если бы она была не на седьмом этаже, а пониже, можно сорвать и больше. Ну, и шестьсот на дороге не валяются. Да еще, как мне известно, ты ходишь по детским садикам с фотоаппаратом, продаешь фотокарточки по трояку. Симпатизирую предприимчивым людям.

От слов Виталика я подавился костью. На глазах у меня навернулись слезы. Но, взяв себя в руки, я пообещал повести Виталика и его невесту Люсечку в ресторан.

Всему, однако, бывает конец. Когда звонок подвел черту трудовому дню, наш отдел дружно устремился на

троллейбусную остановку. Лучшей обстановки для мести не придумаешь.

В троллейбусе яблоку негде было упасть. И я пошел... на сближение. Не теряя времени, трижды наступил на зеркальные туфли начальника отдела. Естественно, трижды извинился. Но что ему мои «мерси», если он ехал в театр?

Председатель профкома дал мне пяточок и попросил оторвать билет. Я оторвал, но подал ему старый билет, который у меня остался от вчерашней поездки. При выходе из троллейбуса нашего профсоюзного лидера задержали контролеры, оштрафовали на рубль и сфотографировали для витрины «Вот они, городские зайцы».

Лидия Степановна в рабочее время любит ходить по магазинам. В тот день она несколько часов провела в соседнем гастрономе и купила три десятка диетических яиц. Покупка была тщательно завернута в ватман и покоилась в голубой сетке-сумке, с которой, как говорит Лидия Степановна, она не расстается даже ночью. И тут троллейбус резко затормозил, люди подались вперед, а я, будто не сумев сохранить равновесия, сплющил сетку Лидии Степановны.

В ресторане было шумно и дымно. Желая блеснуть перед Люсечкой, Виталик пил дармовую водку фужером. А я подливал. Вскоре он стал называть меня Геной, а свою невесту — Викой. Когда после перерыва заиграл оркестр, Люсечку-Вику на танец пригласил один из многочисленных гостей. Видимо, поддавшись уговорам нового знакомого, Люсечка на минуту присела за стол усатых южан да так до конца вечера и осталась в их компании..

Когда мы выходили из ресторана, разобиженный Виталик показал швейцару дулю и назвал его Песталоцци. Тот обиделся, моргнул дежурившему возле выхода сержанту милиции, и мой приятель поехал смотреть сны в казенный дом.

На следующий день меня к барьеру никто не потребовал, по тем не менее прозвучал главный выстрел. Нет, нет, кровь не пролилась. Мне сказали, чтобы я передал ордер на квартиру Люсечке, которая собралась выходить замуж за красивого усатого юношу, у которого в нашем городе нет ни родных, ли знакомых...

Людмила Федоренко

КАКИЕ МЕЧЕТИ В СТАМБУЛЕ!

Дима окинул взглядом накрытый стол. «Моя вечно занятая жена постаралась», — хмыкнул он удовлетворенно. Проверил иллюминацию. В полумраке комнаты загадочно светились елочные гирлянды. Серебрилось в бутылке шампанское.

Дима всей грудью вдохнул тревожный запах хвои и снял телефонную трубку.

«Все-таки здорово жена придумала: никаких компаний, Борис с Леной и мы». Он зажмурился, вспомнив последний институтский бал. «Как же давно это было. Пятнадцать лет! Не верится даже... А Ленка совсем не меняется. Ездит в турпоездки по заграницам, это у нее хобби. Борис — начальник цеха. Ну как же! Он еще в институте курсовые самый первый сдавал. А тут уже четвертый НИИ меняешь: то тема не та, то начальник не тот. Зато жена довольна своей журналистикой. Не поймешь, правда, когда отдыхает. Да-а-а-а».

Дима набрал номер телефона.

— Лена, ты? Ждем. Что? Бориса нет? Ну, приходи одна. К двенадцати-то он явится.

Осторожно положил трубку, и нежная мелодия воспоминаний зазвучала в ушах. Перед ним возник их огромный институтский зал, в углу нахмуренный Борька, а он с Леной кружится в вихре вальса. Затем сияющая Ленка в отблесках бенгальских огней прижимает к груди игрушечного Мишку — приз за лучший танец. Тогда им было по двадцать два — и жизнь за институтским порогом казалась блестящим фейерверком.

Неожиданно раздался звонок, Дима кинулся к двери — на пороге стояла Лена.

— Таня! Гости! — он помог Лене снять дубленку. — Ну, мадам, ты великолепна, как всегда.

— Бориса ждать не будем, — Лена повелительно взглянула на Диму, — подойдет! Для него главное в жизни — план, никаких интересов больше.

В комнату вошла Таня.

— С Новым годом! — Лена театрально чмокнула ее в щеку. — Читаем, читаем твои статьи. По-моему, на дверях этой квартиры уже табличку можно прибавить, что здесь живет такая-то. Не жалеешь, что ушла от нас с третьего курса в университет?

— Дима, — Лена повернулась к нему, — и ведь фамилией своей подписывается. Тебе это как?

— Не примазываюсь к чужой славе, — буркнул Дима.

Таня улыбнулась.

— Каждому свое. А ты побывала в международном круизе?

— Да, — Лена подошла к елке. — Ты знаешь, какие мечети в Стамбуле! — она посмотрела на зеленые ветви с невысказанной болью.

— Успокойся, — сказала Таня, — садись за стол, побывала, и хорошо.

— Не могу больше жить по-прежнему! — Лена отчаянно звякнула вилкой. — На дизель-электроходе четыре бара и всю ночь работают...

— Бери салат, — вздохнула Таня, — селедку под шубой. Да, знаешь новость? Семеновы машину купили. А сейчас ремонт в квартире делают. — Семеновы были их институтские сокурсники.

— Не хочу никакого ремонта! — упрямо заявила Лена. — Противно! Надоела такая жизнь! Муж каждый день с работы приходит в девять... — И Лена яростно куснула пирог с грибами. — План у него в цехе, видите ли! Начальником стал. Как выжатый лимон каждый день. А какие в Греции мужчины!.. — Она мечтательно отбарабанила мотив сиртаки.

— Ешь яблоки, сливы, — Таня подвинула к ней вазу, — в этом году в садах был урожай.

— В садах... — Лена презрительно сморщилась. — Ты знаешь, какие мы кушали фрукты? — Она, морщась, откусила черную сливу. Раздался звонок в дверь.

— Открой дверь, — Таня взглянула на Диму, — наверное, Борис.

Боря стоял в дверях, виновато улыбаясь.

— Ну вот, — злорадно воскликнула Лена. — Время пол-одиннадцатого! Зато план выполнили!

— Выполнили, — сказал Борис и усталое сел за стол.

— Ну, и хорошо, а теперь поспразднуем. — Дима налил бокалы.

— Нет! Вы знаете, какие мечети в Стамбуле? — опять мечтательно прикрыла глаза Лена.

— Не знаю, но, наверное, увижу, — неожиданно сказал Борис. — Служебная командировка, только сегодня окончательно решили, кто поедет...

Леонид Саксон

„СЕРЫЙ В ЯБЛОКАХ“

Тихим июньским вечером, когда почти все улицы уже успели пожелать друг другу спокойной ночи и трезвых водителей, из квартиры художника Стрекотухина сбежал велосипед. Он долго выжидал, пока хозяин, лежащий на полу в лунной дорожке, перестанет шевелиться. Тот, наконец, в последний раз поскреб каблуками ковер и затих. Дверь была не заперта, так что «Серый в яблоках» без помех выбрался на лестницу, потряс металлическими рогами и запрыгал по ступенькам во двор.

Он так был захвачен мельканием улиц и окон, что даже не подумал о приличиях. Но когда попавшаяся ему навстречу в безлюдном переулке старушка, бросив продуктовую сумку, побежала прочь, не переставая креститься, резвый путешественник зазвенел звоночком и свернул в городской сад.

Тут было темно, свежо и интересно. Ворота не было совсем, а посреди зарослей находился карьер, в который горожане сваливали всякий хлам, наверное, со времен открытия сада. К карьеру и направился велосипед, углубившись в аллеи, полные теней и статуй с отбитыми конечностями. Деревья, мимо которых он проезжал, удивлялись и не знали, что подумать: если это велосипед, то как он смеет беспризорничать, если же это олень новой, модернизированной породы, почему он не щиплет траву на газонах?

Наконец «Серый в яблоках» очутился у цели и побежал вдоль обрыва, вдыхая свежий ночной воздух.

— Эй! — окликнул его хриплый голос со дна оврага. — Будьте добры, спуститесь ко мне — потолкуем!

— А как здесь спуститься? — спросил велосипед, немного подумав. — Я ведь могу на камни полететь и

сломать себе что-нибудь...

Велосипед начал катиться вниз все быстрее и быстрее, пока не ударился обо что-то так, что искры из руля полетели.

— Будем знакомы! — сказала препятствие. — Я — коляска мотоциклетная, вышла в отставку полгода назад по болезни. Видите меня?

— Вижу, — сказал «Серый в яблоках», вглядываясь в темноту.

— А вот почему я вас здесь вижу? Где хозяин?

— Спит, — ответил велосипед. — Продал картину, ну, и... выпил, значит.

— Почему «значит»? А, понятно... творческая личность. Баталист? Маринист?

— Да нет, скорее скандалист. Только он сегодня не свою картину продал, а Шишкина «Утро в лесу», что над диваном висела. Своих картин давно уже не пишет. Неделю назад продал сервант. А если бы я не сбежал, он бы и меня загнал.

— Имя? — спросила коляска.

— «Серый в яблоках»!

— Что значит — в яблоках? Вы что, жареный гусь?

— Да нет, это масть такая у лошадей...

— Ясно, ясно... И давно вы в лошади записались?

— Да нет, это просто мой хозяин меня так зовет. Ради шутки.

— А вы его не пробовали на полном ходу в канаву вывернуть ради шутки?

— Честно говоря, хотелось!

— Так чего ж вы ждете? Знаете, что такое стресс? Один мой знакомый велосипед пробовал своего пьянчугу-

хозяина стрессами лечить. Себе сломал две спицы, зато ему, голубчику, — коленную чашечку.

— А от моего жена с дочкой сбежали и живут по улице Гоголя, 14.

— Ну-ка, ответьте, почему луна желтая?

Велосипед даже растерялся от неожиданного вопроса.

— Ну-у... это ее природный цвет... природное состояние.

— Вы дурак, — заявила коляска, — и это ваше природное состояние. Луна желта от недосыпания: с начала мироздания еще не было ночи, когда бы она толком выпалась. Зимой она бродит по небу сторожихой в тулупе из облаков, летом — освещает любовные сцены. У нее ничуть не меньше забот, чем у каждого из нас. Ведь на том и свет стоит, что всяк тянет свою лямку. А потому отправляйтесь-ка домой да займитесь делом: приведите вашего хозяина в человеческий вид!

Едва она успела закончить, как над оврагом показались двое. Они шли неверной походкой, поддерживая друг друга на поворотах и едва не сваливаясь вниз. Коляска с велосипедом насторожились.

— Боря, — сказал один, судорожно икая, — ты... перебрал... я тебя дальше не поведу... у тебя... бока жесткие!

— Кто, я? — оскорбился второй. — Да я, как стеклышко! Ну, вон... хошь, в фонарь камнем попаду?

— П... попади, — согласился первый, с облегчением падая на четвереньки, так как второй его выпустил. Этот второй долго и старательно кидал булыжниками в пятно света, видимое сквозь листву. Однако у него явно не хватало сил, чтобы добросить камни до луны и разбить ее.

Наконец пьяные одолели поворот, а велосипед поспешно выкатился наверх и помчался к выходу из сада.

Близилось утро, когда он стал на свое место в прихожей. Стрекотухин уже не лежал на полу, а сгорбившись, сидел на стуле и глядел в стенку. Глаза у него были зеленые, тоскующие. Неизвестно, сколько бы

он так просидел, если бы под балконом не раздался рокот мотора.

— Ви-и-тя-а! Витютень! — завопило несколько голосов на весь двор. — Выдь сюда!

Стрекотухин, мрачно сопя, высунулся из окна и спросил:

— Чего вам?

— Ну, что, жена не вернулась?

Стрекотухин безнадежно махнул рукой.

— Ну, и нечего глядеть соленым огурцом! Радуйся, ты ж свободный человек! Чем одному киснуть, поехали с нами к Боре. У нас машина...

Художник подумал.

— Нет, — сипло ответил он, — не поеду.

— Да поедем, голова два уха, — вместе горевать будем... Развеемся... выпьем, значит.

Художник еще подумал.

— Обождите, — сказал он в темноту, — или, знаете что, вы езжайте, а я следом... на своем жеребце.

Мотор под окнами затарахтел. Стрекотухин долго возился в ванной, вышел, утерся полотенцем и потащил вниз по лестнице велосипед. Во дворе он сел на него и поехал по спящему городу. Скоро достиг он нужного дома, где из окон уже высовывались поджидавшие его друзья. Но велосипед вдруг резко увеличил скорость и пронес Стрекотухина мимо подъезда.

— Стой... куда? — ошалело прошептал художник, пытаюсь затормозить. Но «Серый в яблоках», залившись победной трелью, мчал его дальше, по проспектам, бульварам, площадям, и с такой скоростью, что звезды в небе слились в сплошную огненную линию. У Стрекотухина волосы стали дыбом.

— По-мо-ги-те! — слышались напрасные крики его то у рыночной площади, то у оперного театра, то в районе вокзала. Весь день носил Стрекотухина по городу осатаневший велосипед, а под вечер, когда тот уже готов

был вывалиться из седла, остановился посреди окраинной улочки.

Ступив на твердую землю, Стрекотухин с минуту кружился вокруг своей оси, а потом, развернувшись, так пнул велосипед, что тот отлетел на полквартила и сломал две спицы.

— Изуродую! — бушевал Стрекотухин. И тут ему на глаза попала табличка, висевшая на доме: «ул. Гоголя, 14».

— Господи! Валя! — вымолвил он и, постояв, нерешительно вошел в парадное. Сломанный велосипед неподвижно лежал на мостовой.

Стемнело. Большая желтая луна вышла в дозор, мало-помалу набирая высоту. Но долго еще она ворочалась, выбираясь из облаков, прежде чем достигла зенита.

Илья Герчиков

НА ПРАКТИКЕ

— Вот ты, отличник, попробуй растолкуй нам, что самое основное в нашей тяжелой профессии слесарь-сантехника?

— Мне кажется... я думаю... нам говорили... самое главное, чтобы где надо текло, а где не просят, так даже и не капало.

— Ох ты, не капало!.. И чему вас там, в ПТУ, только учат!.. Тоже мне, руки молодые, руки золотые, а головы садовые! Главное в нашей профессии — соображать!.. Не ясно? Приведу пример из личного опыта. Вот, скажем, наступило лето. Птички там поют и прочее... Что в этот ответственный период года должен делать слесарь-сантехник жэка, где, конечно, кадры берегут? Он обязан загорать на солнышке или честно трудиться в своем личном саду-огороде. Однако попробуй, позагорай, если в подопечном твоём доме кран горячий зафонтанировал, а тут подъезд сверху донизу кипятком того, промочило. Вот и соображай, чем тебе при таком положении лучше заняться. Оно, собственно, ясно, чем лучше, но вопрос: как это сделать? Безвыходных положений нет, если у тебя голова приставлена для соображения, не для дизайну. Есть у нас проверенный способ, называемый опрессовка. Простая вещь! Ты подаешь на горячие трубы такое давление, что их рвет, как минимум, сразу в трех местах. И все, твоя функция кончилась. Дальше докладываешь главному инженеру жэка, что так, мол, и так, чуть было сам не пострадал при исполнении обязанностей. Главный инженер доложит дальше по инстанции — начальнику жэка. А тот соображает не хуже всех нас вместе взятых. Он отдаст команду вывесить на всех подъездах объявления, что в связи с... и так далее горячей воды не

будет с такого-то числа. Зачем, спрашиваешь, объявление, когда и так все ясно? Сразу видать неопытного. Да если объявление не повесить, так они, жильцы то есть, все телефоны пообрывают, вопросами закидают: отчего, дескать, вода льет через двор, а не через краны, как ей полагается, и прочие другие отчего и почему. А тут бумажки пришили — и порядочек, можно отдыхать... Только одно заруби себе на носу — ни в коем разе не указывай в объявлениях срока окончания ремонта. Прежде мы такую промашку делали — писали, хотя, конечно, с запасом, что вода будет, к примеру, через месяц. Оно, конечно, срок достаточный, чтобы десяток таких труб отремонтировать. Но только откуда такой производительности взяться, если ты со всем личным составом жэка и в голову себе не берешь к ремонту приступать? В связи с хорошей погодой. И вот пройдет обещанный месяц срока, который ты сдуру сам себе назначил, и тогда держись — жильцы как с цепи сорвутся, сигналить начнут: «Как, мол, так и что за безобразие: обещали через месяц, а сами и в ус не дуют!» И тому подобные справедливые претензии. А тут ты срока не устанавливал, и все ждут неизвестно чего аж до посинения. Правда, и здесь тебя может встретить подводное течение в виде какого-нибудь божьего одуванчика-пенсионера. Не то бывшего управдела, не то в прошлом домоуправа, который все наши штучки даже в сумерках насквозь без пенсне видит. Живо скумекает, что к чему, и брякнет в вышестоящую организацию, что мы ему голову морочим... Что тогда? Тогда считай, что карта твоя бита и победа за жильцами. Но если ты хорошо соображаешь, то победа их будет не окончательная. Потому что ты тут же срочно соберешь жэковскую комиссию под руководством главного инженера и вы быстро составите акт, что, мол, трубы все перержавели и их давно пора менять. Дальше все пойдет как по писаному. Через пару недель пригонят экскаватор и по твоему плану, напрямки через клумбу с цветочками и чуть

правее — через детскую площадку, пророят глубокую траншею. Жильцы обрадуются, что дела их пошли, хотя им и очень жалко будет клумбы и детской площадки. Но радость их будет, прямо скажу, преждевременной, поскольку затем окажется, что новых труб нет, так что укладывать в эту самую траншею буквально нечего. А пока трубы еще поищут, ты будешь продолжать спокойно загорать под лучами осеннего солнышка или готовиться к уборке яблок. Но и в этот момент может случиться непредвиденный подвох: трубы вдруг найдутся на складе, где ты их чисто случайно прикрыл подручным шурум-бурумом. Однако ты прежде времени не переживай — береги нервные клетки. Ведь надо еще найти, кто будет эти трубы укладывать, а главное, как их уложить, если под твоим чутким руководством траншею прорыли в аккурат поперек нужного направления. Пока там начальство со всеми этими проблемами будет разбираться, глядишь, и осень кончится, а с ними твой отдых и разные садово-огородные дела. Даже первые снежинки в воздухе закружат. Вот тут-то и наступит самое время к ремонту приступать. Если по секрету, то дело это не очень уж и сложное — придется лишь заварить трубы в тех самых трех местах, где ты их, сердешных, рванул методом опрессовки. На это потребуются от силы пара часов, считая перекуры... И горяченькая водичка — вот она, нате — получайте, уважаемые жильцы, неизвестно, чего вы волновались и портили нервы себе и людям!.. Траншею ту, что поперек, зарывать не спеши. Во-первых, есть надежда, что в нее тот самый одуванчик, из бывших, бог даст, загремит. А во-вторых, ее все равно снегом засыплет, так что будет полный порядочек. При условии, конечно, если бачок у тебя на плечах работает как надо.

ВЕСЕЛО И ДРУЖНО

Народу на собрание, посвященное перевыборам комиссии по охране зеленых насаждений, собралось, скажем прямо, раз-два и обчелся. И все же протекало оно подобно горной речке: воды мало, шуму много. Шофер Вася Касаткин, теперь уже бывший предкомиссии, отчитался очень быстро. Пояснив в общем и целом роль насаждений и значение комиссии в деле нормального роста зелени, на самой работе комиссии внимание присутствующих по скромности не заострял... И ему даже не хватило, как положено в таких случаях, регламента. А тут еще в прения записалось целых три желающих.

Первой выступила санитарка Вера Никаноровна, большая любительница ботаники. Не заглушая в себе гневного возмущения, она доложила собранию, что Касаткин зеленым насаждениям не защитник, а наоборот — изувер номер один.

— Вы только понаблюдайте, как въезжает он на своей колымаге в наш двор, — чуть не плача говорила она, — его хлебом не корми, дай только наехать на клумбу, либо деревце набок своротить.

Вася помалкивал.

Вторым записался статистик Васильков. Он буквально пригвоздил Касаткина, обозвав его «типом, развалившим комиссию».

Вася помалкивал.

А доктор Сироткин, пенсионер, обычно засыпавший в начале докладов, проснувшись от громких прений ораторов, заключил кратко и прямо:

— Что касается меня, то я бы таких на пушечный выстрел к природе не подпускал, ибо Касаткин обожает вовсе не цветы, а наоборот, водку.

Вася помалкивал.

Работу комиссии признали на всякий случай ни хорошей ни плохой. «Хорошо» было бы несправедливо, а «плохо» — перед вышестоящими организациями неловко...

Затем приступили к обсуждению кандидатуры нового председателя комиссии. Доктор Сироткин, конечно, предложил кандидатуру Веры Никаноровны, как большой любительницы ботаники.

Вера Никаноровна, услышав такие слова, даже разнервничалась:

— У меня, — говорит, — к вашему сведению, двое детей и к тому же самоотвод категорический... — И, подумав немного, закончила: — Я лично предлагаю кандидатуру холостяка, доктора Сироткина.

Окончательно проснувшийся Сироткин тут же отпарировал:

— Давайте лучше выберем товарища Василькова — у него и фамилия к зеленым насаждениям подходящая, и сам он еще мужик крепкий, не подведет.

Тогда возмутился Васильков из статистики. Аж покраснел весь:

— Вот, вот! Как что, так сразу Васильков! Нет, у меня нагрузок и так хватает: я член Красного Креста и к тому же Полумесяца, да еще и кассы взаимопомощи... Да чего там рассусоливать — давайте выберем всеми уважаемого шофера Васю Касаткина. Ну, ошибся человек, наехал пару раз на клумбу или деревце левое. А кто не ошибается?..

— Тот, кто не работает, — сказал Вася.

И все весело и дружно проголосовали за Васю.

ГВОЗДЬ

Бывает же такое!

Бывший счетовод, а ныне пенсионер Жмодкин И. И. проглотил гвоздь. Прожил шестьдесят пять лет без подобных происшествий, а тут надо же такому случиться.

А началось все так.

Жмодкин отправился в свой очередной рейд. Выйдя на пенсию, он стал как бы частным детективом. Выслеживал бюрократов и сообщал о них куда следует. В

вышестоящих организациях его знали по почерку, свои сигналы не подписывал.

Сегодня Жмодкин направился в район новостроек. Он поднимался по строительным площадкам все выше и выше — и вдруг заметил под ногами плохо вбитый гвоздь. В мозгу Жмодкина привычно созрел текст сигнала «о бюрократах из «Жилстроя», которые, вместо того чтобы заботиться о здоровье людей, тюкают гвозди так, что их и в ногу, так за здорово живешь, всадить можно.

Вещественное доказательство — гвоздь он положил в портфель, где находились чистая бумага для сигналов, копирка для копий, конверты, ручка с запасными стержнями, завтрак в виде бутерброда с кильками и термоса с зеленым чаем.

Наступила пора завтрака, и, усевшись в тенечке на крупной панели, Жмодкин приступил к трапезе. Наскоро перекусив, он сложил остатки завтрака в портфель. И вот тут-то обнаружил отсутствие гвоздя. Тот словно сквозь землю провалился. В этот же самый момент под ложечкой у Жмодкина что-то противно кольнуло. И он вдруг осознал, что гвоздь безнадежно проглочен вместе с кильками. Ему стало жаль утерянной улики, а заодно и себя, столь нужного людям...

У регистратуры поликлиники, несмотря на ранний час, его уже ждала очередь. А когда он заикнулся, чтобы его пропустили вне очереди, как проглотившего гвоздь, какой-то дядя с фурункулом на носу произнес: «Закусывать нужно пирожками, а не гвоздями».

Дальше все было, как в плохом сне или хорошем фельетоне. Добравшись до окошка регистратора, он выяснил, что надо было взять с собой паспорт. Сбегав за

паспортом, он узнал, что его районная поликлиника находится совсем в другом месте. В другой поликлинике очереди не было. Он сунулся в окошко регистратуры, но талон ему дали не к хирургу, а на флюорографию, чтобы убедиться, не болен ли случайно туберкулезом.

Когда Жмодкин ввалился наконец в кабинет хирурга, ему сообщили, что врач срочно уходит на совещание по проблемам борьбы с непроизводительными потерями времени в неотложной хирургии. И вернется, конечно, не скоро. Тут у Жмодкина потемнело в глазах, и он отправился домой... умирать.

Однако прежде он решил описать, что с ним сотворили бюрократы из поликлиник № 1 и № 2. Положив перед собой чистый лист бумаги, он собрал последние силы и полез в портфель за ручкой. Поискал ее и вдруг вскрикнул от боли и радости. Палец его напоролся на гвоздь! Тот самый! Колотье под ложечкой затихло.

Жмодкин поуютнее уселся в кресле и, волнуясь, как когда-то над первым в своей жизни сигналом, аккуратно вывел:

«Главному врачу поликлиники № 1, копия —
главному врачу поликлиники № 2.

От всей души благодарю вверенных вам бюрократов за спасение моей жизни. Если бы не они, лежать бы мне сейчас на операционном столе...»

И впервые подписался полным именем.

Владимир Иванов

МАРАФОН

Афанасий Грачев, житель южного города, из видов спорта признавал только бег до магазина, когда заканчивалась торговля вином.

— Бросай пить, — говорили ему.

— Дудки! — отвечал Грачев. — Только телеграфный столб не пьет, у него чашечки книзу.

Как-то перехватив лишнего, Афанасий забрался в трубу строящегося рядом с его домом газопровода и там уснул. Сварщики не заметили Афанасия и соединили смежные участки газопровода.

Проснулся Грачев в кромешной тьме. Решив, что он дома, долго щупал стенки трубы.

«Чертовщина какая-то, — подумал он, — была комната квадратной, а стала круглой. И стены почему-то железные...»

Ему стало жутко. Афанасий побежал на четвереньках, вроде бы навстречу счастью, все еще веря в свою звезду. Потом остановился и снова ощупал стенку. Выхода не было.

«Труба дело! — решил он. И тут его осенило: — Труба и есть. Газопровода. Мать честная! Как же я сюда попал?»

Несчастный пытался определить, в какой стороне он находится, но безуспешно. Чтобы опохмелиться, нужно было преодолеть сотни, а может быть, тысячи километров, хотя магазин был где-то рядом. В такую ситуацию он попал впервые.

День за днем Грачев испытывал волю к жизни. Бежал и бежал. Когда выбивался из сил, то ложился на дно трубы и с тоской думал о красном портвейне за один рубль восемьдесят копеек.

Тогда словно какая-то неведомая сила поднимала его и несла вперед. На четвертые сутки Грачев столкнулся с бегущим навстречу человеком.

— Федя! — представился тот. — Скажи, друг, где магазин?

— На востоке, — неопределенно махнул рукой Афанасий.

— А где есть восток?

— Напротив запада, — уточнил Афанасий.

— Ясно! — сказал Федя. — А год нынче какой?

Грачев посчитал на пальцах.

— Если считать от выхода постановления об ограничении продажи напитков...

— Нашей эры? — переспросил Федя.

— Нашей, — подтвердил Афанасий.

— Ну, бывай, — попрощался Федя и ушел в ночь.

На десятые сутки показался конец, трубы и Грачев услышал голоса. Разговаривали на не понятном ему языке.

«Мать честная! — подумал Грачев. — Никак за границу попал. Во Францию или Англию. Без документов. Ну, брат, теперь пропал...»

Грачев прислушался. После каких-то гортанных звуков до него донеслось:

— Ноль пять не принимаем, нет тары.

— Свои! — закричал Грачев и вылез из трубы, пособачьи отряхиваясь и поднимая вокруг себя облако ржавой пыли.

Он огляделся. Высоко в небе полыхало полярное сияние.

— Вот это драпанул, чуть не до самого полюса! — Грачев восхищенно посмотрел на свои стоптанные руки.

— Братцы! — обратился он к людям. — Душа горит. Где у вас тут винный магазин?

— Винный? — удивились те. — Нет у нас винного магазина. Сухой закон у нас. Бутылки вон из-под лимонада сдаем.

Грачева это потрясло. Он представил себе, как будет жить дальше, если останется здесь. Приходя с работы, помогать жене по дому, смотреть телевизор, читать книги, посещать музей, ходить в театр...

Безотчетный страх перед такой жизнью овладел Грачевым. Он трудно вздохнул и нырнул обратно в трубу...

ДУСЬКИН СОН

О пользе сна вроде бы и говорить не стоит. Наукой это доказано. Хорошо выспавшись, со свежей головой, мы можем весь день успешно готовить себя к последующему сну. Но как выспаться хорошо? Какой сон наиболее приятный и в каких условиях? Вы скажете: «Обычный — дома на мягкой постели, под чистым бельем, под размеренное тиканье будильника».

А я считаю, что самый приятный сон бывает тогда, когда спать нельзя, не разрешается. А это бывает где? На работе. Дома и дурак выспится. А вот попробуйте спать в рабочее время в присутствии шефа, который неустанно сверлит вас руководящим взглядом. В такой обстановке надо научиться спать с открытыми глазами и в то же время сквозь сон разговаривать с шефом. Это трудно, но достигается тренировкой. Вы смотрите на него и, к примеру, на его вопрос: «Почему в проекте фундамент здания оказался над крышей?» — отвечаете:

— Трудимся без сна и отдыха.

Вы говорите, а он и не подозревает, что вы в этот момент спите. Как-то сквозь сон слышу:

— Что это вы, Дуськин, вращаете глазами, как таракан после обработки хлорофосом?

А мне привиделось, будто меня лишили премии за то, что я уснул на работе.

— «Не имеете такого права!» — кричу.

— Какого еще такого права, Дуськин? — интересуется шеф.

Я тут встряхнулся, черкнул пером по бумаге и говорю:

— Послышалось вам, Петр Петрович, не права, а нрава. Нрав, то есть характер, у вас хороший. Жалеете людей, не лишаете премии по пустякам.

Но, скажу я вам, самый трудный — это период глубокого сна. Не каждый может выдержать, не каждый. Железная воля нужна! Признаюсь, придавил меня этот глубокий сон на планерке. Отключился совершенно, потерял всякую бдительность. Очнулся, когда шеф тронул меня за рукав:

— Ваше мнение об этом, Дуськин!

О чем речь — понятия не имею, однако не растерялся.

— Это, — говорю, — позволит пробудить инициативу и открыть глаза на наши недочеты.

— Вот и откройте глаза, товарищ Дуськин, — замечает шеф.

Учел ошибку, сделал выводы. Тренироваться стал до самоистязания, только что не спал на гвоздях. Добился того, что в моменты самого глубокого первобытного сна глаза только стекленели. Но тут еще осложнение: храплю во сне. Однажды шеф говорит:

— Никогда не видел, Дуськин, чтобы на работе храпели вот так, с открытыми и такими нахальными глазами. Да и храп у вас не как у людей, какой-то странный, с визгом. Как будто свинью режут. Сотрудников пугаете.

А сам как-то подозрительно на меня посмотрел. Не знаю, может, и заметил что, но виду не подал. Если начистоту, то сон у меня на работе глубокий, а сновидения, в основном, приятные, потому что имею неплохие отношения с шефом. А это все оттого, что никогда не перечу шефу в период бодрствования:

— Правильно, Петр Петрович. Иначе и быть не может, Петр Петрович.

Вот так и думаю спокойно доспать до пенсии, всего пять лет осталось. Как-нибудь доконаю трудодни. А там уж не до сна будет. Рыбалка, грибы, дачку приобрету. А если повезет — присоединюсь к шабашникам коровники строить.

Владимир Короткий

НАСТОЯЩИЙ МУЖЧИНА

Жизнерадостное весеннее солнце играло бликами в стеклах троллейбуса. Феофанов взглянул на часы.

«Девять часов пятьдесят шесть минут. Ольга не любит ждать».

Троллейбус застрял на перекрестке...

Закрывшись газетой, Оля пристроилась в очереди за ананасами и внимательно наблюдала за киоском «Союзпечать», у которого ее должен был ждать Феофанов. Ровно в десять он выпрыгнул из подошедшего троллейбуса и, расталкивая всех огромным портфелем, занял пост. Ольга дала возможность Феофанову перевести дыхание, подождала для приличия минут двадцать, пока подошла ее очередь, купила два ананаса и направилась к Андрею.

— Наконец-то, Оленька! — обрадованно вздохнул он.

— Прости, Андрюшенька, я немного опоздала. — Ольга небрежно забросила сетку с ананасами за плечо.

— С праздником, дорогая, — Феофанов протянул ей букетик гиацинтов и попытался чмокнуть в щеку. Мешали ананасы. Андрей галантно подхватил сетку одной рукой, а другой — Олю.

— Куда мы пойдем? — спросила она.

— Можно в кино.

— С утра?

— Но в праздничные дни цены все равно вечерние, — попытался сострить Феофанов.

Они пошли в кино. Билетов не было ни на один сеанс.

— Видно, не судьба, Андрюшенька, — сказала Оля.

— Я позвоню тебе, — изображая досаду и целуя руку, проворковал Феофанов...

Ласковое весеннее солнце бликами играло в стеклах автобуса. Феофанов нервно смотрел на часы. У киоска «Мороженое» стояла Валентина.

— Валюша, с праздником! — бросился к ней Андрей, на ходу вытаскивая из портфеля коробочку «Фиджи». — Прости, милая, серьезно заболел Илья Григорьевич, спешу в больницу, завтра позвоню. — Феофанов запрыгнул в автобус и помахал рукой.

Ирине он подарил английскую косметичку, Гале — бельгийские колготки в цветочек. С Натальей пришлось минут на двадцать заскочить в кафе. Зато с Мариной вышло удачно: гуляя, они подошли к парку — там предстояло важное свидание с Катюшей.

Восьмое марта для Феофанова, как и все праздники, — трудное испытание, но не самое страшное: в его распоряжении был целый день. Сложнее приходилось в Новый год. Тогда Андрей брал такси и за каких-нибудь пять-шесть часов успевал побывать в шестнадцати местах. В такие напряженные дни случались накладки. Однажды он подарил Тамаре финский шампунь восьмикратного действия, который она же ему и достала несколько дней назад.

Заходящее весеннее солнце бликами играло в стеклах трамвая. Утомленный, но еще бодрый Феофанов возвращался домой.

— Андрюша, что так поздно, ты же обещал пораньше? — с ласковым упреком сказала жена. — Ты все успел?

— Да, Танюша, дорогая, с праздником! — он протянул жене изящную коробочку с французской компактной пудрой двадцати четырех тонов с запасными блоками.

— Спасибо, милый, ты так внимателен.

— Родная, ты прекрасно выглядишь. — Феофанов никогда не забывал говорить жене комплименты. Благо, это было не очень трудно.

— Андрей, милый, ты Ольгу из парфюмерного поздравил?

— Да.
— А Валю из галантереи?
— Конечно.
— Иру из комиссионного и Валю из гастронома?
— Не забыл.
— А Лидочку из ателье?
Феофанов вздрогнул и вытащил блокнот.
— Забыл, — тяжело вздохнул он.
— О, боже! Что теперь будет с моим платьем? И ты после этого говоришь, что любишь меня! Немедленно беги.
Феофанов виновато посмотрел на жену.
— Ну что ты? Вызвать такси?
— Подарков больше нет.
— На, только скорее! — Татьяна протянула французскую компактную пудру двадцати четырех тонов с запасными блоками.

ПРИВЕТ ИЗ ЗАНЗИБАРА...

Доцент кафедры общей электротехники Петр Петрович, пользующийся в студенческой среде авторитетом неприступного и неумолимого педагога, вошел в аудиторию и стал раскладывать на столе экзаменационные билеты. Предстояло минимум шестичасовое сидение. Хорошо, если подбежит кто-нибудь с кафедры подменить, а то не то, что в буфет, но и... Да при этом надо еще слушать электротехнический бред: ведь учил же, лекции читал! Поставил на прошлом экзамене десять двоек, так на кафедре самого же и обвинили: чему и как учил в семестре? «Ладно, в этот раз ограничусь девятью», — решил про себя Петр Петрович и пригласил студентов.

Вошли первые пять человек, схватили билеты, сели, начали списывать... Все шло своим чередом. Петр Петрович углубился в свежий номер «Крокодила»,

случайно оказавшийся на столе, прикрылся для верности букетом цветов: незачем людей смущать, когда работают.

В дверь постучали. Петр Петрович кашлянул и поднялся. Все пять студентов нервно вздрогнули. Стараясь не глядеть в сторону готовящихся, доцент на цыпочках вышел в коридор. Ему передали записку: «Петя, ты уж с Ивановым помягче, нужный парень. С приветом. Федя». Петр Петрович недоуменно пожал плечами. Федю, доцента с кафедры, он знал, а Иванова за семестр не встречал ни разу.

Завкафедрой физвоспитания вошел без стука.

— Петр Петрович, физкультпривет! У тебя, дорогой, некий Иванов учится. Не припомнишь? Смышленный такой паренек. Так ты у него много не спрашивай, — уже шепотом добавил завкафедрой, — парень все время тренируется, наша спортивная гордость.

...Экзамен подходил к концу. Петр Петрович поставил девятую запланированную двойку и устало посмотрел за окно. Начинало темнеть.

— Включите, пожалуйста, свет, — попросил он.

На огонек заглянул декан, шепотом поинтересовался:

— Иванова не было?

— Пока нет.

— Петр Петрович, уважь, поставь парню автомат, а то он совсем изнервничался, а скоро первенство среди юниоров.

Вошла секретарь деканата.

— Петр Петрович, вас срочно к телефону... не то междугородный, не то международный...

— Я слушаю, — как можно громче сказал Петр Петрович в трубку.

— Вы преподаватель по техмеху?

— Нет, по электротехнике.

— Ну, это не очень существенно. С вами Иванов говорит...

Петр Петрович вздрогнул и как-то весь внутренне собрался.

— Вы меня вчера по телевизору видели? Нет?.. Я из Занзибара вам звоню. Да... Первенство мира... Уже золотая медаль. Петр Иванович, простите, Сергеевич.

— Петрович.

— Да, да, Петрович, вы уж не обижайтесь на меня, сами понимаете, спортивная честь... Зачетку вам мою еще не передавали? Автограф, пожалуйста, поставьте, а я вам свой, по приезде. Физкультпривет! Смотрите телевизор.

Растроганный вниманием, Петр Петрович пошел искать зачетку спортивной гордости.

А Иванов вышел из телефонной будки, которая стояла напротив института, и жизнерадостно сказал другу Коле:

— Один есть. Неси зачетку. Авторитетом, старик, надо пользоваться! Паблисити — великая вещь!

Семен Нестеров

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ КРИЗИС

Как-то пришел Борис Истомина и, изучающе посмотрев на меня, спросил:

— Что ты делаешь для того, чтобы бороться с энергетическим кризисом, охватившим весь мир?

— Живу в малометражке, — ответил я, — езжу в малолитражке. И вообще-то: сам не акселерат.

— Этого мало! — Он достал из портфеля маленький раскладной мотоцикл. — Моя конструкция. Расход бензина минимальный.

Скрючившись так, что колени стали выше головы, Истомина сел на крохотное сиденье, мотоцикл чихнул и покатил вокруг стола, заполняя комнату дымом.

— Интересно! — покрутил я головой.

— Нет, — возразил он, — это пока еще не то...

Однажды я увидел Истомина, который сидел прямо на проезжей части улицы.

— Хоть бы газетку постелил, на мокром асфальте ведь сидишь.

— Я не сижу, — ответил он, — я еду! — И, поднявшись с асфальта, добавил: — На автомобиле собственной конструкции.

«Свихнулся», — ничего не увидев под ним, решил я.

— Где он? — заглядывался Истомина.

Он достал из кармана лупу и встал на колени. Поднял какую-то гальку и долго смотрел на нее через стекло. Буркнул:

— Не то!

— Инспекцию вызвать надо! — сказал я усмехаясь.

Истомина продолжал ползать по мокрому асфальту.

— У тебя вон по спине мокрица какая-то ползет, — дернул я его за руку.

Хотел щелчком сбить ее со спины Истомина, но она вдруг резко затормозила, и сзади у нее ярко вспыхнули два красных фонарика.

АПЕЛЬСИНЫ

— В какую цену? — громко спросил Мальков, подойдя к мраморному прилавку, на котором возвышалась ярко-оранжевая горка.

— Рубль, — меланхолично ответила из-за горки усатая голова, прикрытая широкой кепкой.

— Одна штука рубль? — переспросил Мальков.

— Зачем одна? Килограмм, — ответила голова. Глаза его хитро улыбались.

— Гнилые, что ли? — спросил Мальков и ткнул в апельсин пальцем.

— Сам гнилой! — заметила голова.

— А почему так дешево? У других по восемь, — не отставал Мальков.

— Вот и бери у тех, у кого по восемь.

— И возьму, — сказал Мальков. — Три килограмма возьму и денег не пожалею, чем твои ворованные покупать.

— Обижаешь, дорогой, — сказала голова и прикрыла один глаз.

— Вас обидишь. Как же! От прилавка отойти не успеешь, — громко, чтобы все слышали, сказал Мальков. — И ты давай, друг ситцевый, надо мной не издевайся. Я на базар пришел не шутки шутить. В последний раз спрашиваю, в какую цену? Ты что дурачком прикидываешься?

— Рубль, — непреклонно ответила голова.

— Слушай, — тихо сказал Мальков, наклонившись, — не бойся, не с ОБХСС я. Мне в больницу надо несколько штук.

— Рубль, — невозмутимо заверила голова.

— Но почему по рублю продаешь, дешевле семечек? — не сдавался Мальков.

— Слушай, отойди, не мешай торговать.

— Не отойду, — ударил кулаком по мраморному прилавку Мальков.

— Ну, хорошо, хорошо, успокойся, дорогой, а то ты совсем белый стал. Ну, не хочешь по рублю брать, будь по-твоему, бери по восемь.

— Так бы сразу и говорил, — пряча в сумку купленные апельсины, сказал Мальков. — А то наводишь тень на плетень.

Виктор Ложников

ХОРОШАЯ ШТУКА

Мой знакомый что ни день показывал разные редкие вещи, которых в магазинах не сыскать.

— Где ты их берешь? — удивился я.

— Как где? Покупаю по блату в магазинах.

— И что же, по блату все можно достать? — полюбопытствовал я.

— Кроме самолета! — убежденно ответил мой знакомый.

Самолет мне пока не был нужен. Но зато нужна была батарейка «Крона» к карманному радиоприемнику.

Я устремился в магазин. Конечно же, «Кроны» на витрине не было.

— Мне, пожалуйста, «Крону», — сказал я, смело глядя на продавщицу.

— «Кроны» нет, — заученно ответила та.

— Мне, пожалуйста, одну штучку, по блату, — настойчиво продолжал я.

— По какому такому блату? — удивилась продавщица. — Я вас не знаю!

— Ну и что? Одну штучку все равно можно продать по блату.

— Послушайте, не морочьте мне голову! — раздраженно сказала продавщица.

Я понял тонкий намек, так как из-за служебной двери на меня зыркнули два свирепых глаза, принадлежавших, несомненно, крупному мужчине.

— Вот, докатились! — сказал я громко, стараясь, чтобы на нас обратили внимание покупатели. — Даже по блату «Крону» не могу купить! — Я поднял вверх указательный палец.

— Даже по блату! — ахнула толпа.

— А недавно все было проще, — сказал высокий мужчина в очках со стеклами разной диоптрии. — Моему знакомому удалось купить диплом. Но учтите — на свои заработанные деньги!

— Дайте жалобную книгу! — выступил вперед низенький щуплый мужчина.

— Дайте жалобную книгу! — потребовали все. — Что за безобразие — нельзя по блату купить!

Тут продавщица струсила и откуда-то из-под прилавка достала «Крону». Я посмотрел: батарейка была не новая.

— Дайте новую! — потребовал я.

— Надо продать сначала старые, — возразила продавщица. — Скажите спасибо людям, а то и такой не досталось бы.

Толпа была за меня. В этот день, объединившись, каждый купил все, что ему было нужно. Все-таки, что ни говорите: блат — хорошая штука.

Алексей Сиваев

РАДИКАЛЬНОЕ СРЕДСТВО

Надукина замучили кошмары. Стоило только расслабиться, как откуда-то выскакивало такси и мчалось прямо на него. Он пытался убежать, шарахался из стороны в сторону, такси — за ним. Прыгал на крышу — автомобиль с шашечками парил в воздухе, словно коршун, выслеживающий зайца.

Надукин до того обессилел от кошмаров, что у него стало покалывать сердце.

— На что жалуетесь, что беспокоит? — спросила врач.

— Кошмары одолели.

— Какого содержания кошмары?

Надукин выложил как есть.

— И давно?

— С месяц примерно. После одного инцидента.

— А что за такой инцидент?

— Да понимаете... В моем тракторе поломалась одна деталь. Так, мелочь, а трактор стоит. Механик и говорит: «Есть у меня на одной базе знакомый, Иван Иванович звать. Над деталями — король! Я ему черкну, а ты за переезд смотай».

Я — в такси.

А за переездом баз этих — что в дождливую погоду груздей.

Я — таксисту:

— Забуришься в этой грязи — потом тебя моим починенным трактором не вытащить. Почитай пока «Спорт», а я поищу эту окаянную базу.

В конце концов нашел я и базу, и самого Иван Ивановича.

Тот записку так и эдак покрутил. Говорит:

— Не признаю я этого почерка. Какой-то курячий. Я заволновался, называю фамилию механика, имя-отчество, приметы выкладываю: «сам тощий, зато пузо...»

— Пусть сам свое пузо принесет, — оборвал меня Иван Иванович. — Тогда и разберемся.

Я — туда-сюда. Пообещал деталь обмыть по высшей категории. Он — ни в какую. Высказал я ему то, что о нем думаю, плюнул и пошел восвояси. И про такси запомнил. А опомнился — нету такси. Решил, видно, водитель, что обманул я его.

Неделю так спустя (текучка, понимаете!) сунулся я в парк, а там:

— Номер такси?.. Таксист из себя какой? Когда это было?..

Хоть убей меня, припомнить не могу... в горячке вся эта канитель стряслась...

С тех пор, доктор, кошмары и начались. Как увижу такси — сердце в пятки. Ну, думаю, затормозит, а водитель: «Ты что ж это? Про таксистов то-се сочиняете, хотя и у нас есть паршивые овцы. Но сами-то!»

Словом, стал я от каждой машины с клеточками шараться, да так неистово, что от меня прохожие разбегаются. Раз в милицию доставили: прохожие сигнализировали постовому, что я, по всему виду, прохожу по всесоюзному, что ли, розыску, то ли даже по Интерполу.

— Доктор, — скулил Надукин. — Сделайте что-нибудь для успокоения.

Врач выслушала со всем вниманием и взяла бланк.

— Доктор, — совсем ободрился Надукин. — А может, радикальное средство? Не таблетки, а сразу хирургическое вмешательство. Чтоб раз и навсегда. Найти в голове нужный центр, который руководит кошмарами, и воздействовать...

Врач отложила ручку и бланк в сторону и — вся внимание.

Надукин увидел добрую перспективу и «погнал лошадей».

— Только, доктор, проследите, пожалуйста, чтоб ножницы в голове не забыли. А то, говорят, у одного в животе забыли. Зашили, домой выписали, потом хватились — нет. Туда-сюда, а одна старая санитарка и говорит...

— Ножницы не забудем, — пообещала врач.

— И еще, доктор, проследите, пожалуйста, бдительность проявите, чтоб гнилыми нитками голову потом не залатали. Я отблагодарю, доктор. Человек человеку друг, товарищ и брат...

— Успокойтесь! — врач размашистым почерком выписала рецепт.

Запыхавшийся Надукин прибежал в аптеку... Провизор пробежала глазами по рецепту, улыбнулась:

— Нет у нас такого лекарства...

Надукин ошарашенно смотрел на нее. Наконец взял себя в руки, сказал умоляюще:

— Вы уж постарайтесь. Человек человеку, знаете... я...

— Это уж вы постарайтесь, — засмеялась девушка. — Почитайте-ка.

В рецепте было написано:

«Сходите в таксомоторный парк и разыщите-таки шофера!»

СОВЕСТЬ

«Уважаемый товарищ Кочкин. Буду очень рад, если Вы придете ко мне в субботу. Не обидьте отказом. Цветов и прочих подарков не приносите. Ваше явление для меня — уже подарок. Новосел Вохрин, кв. 6».

Штукатур Кочкин, прочитав открытку, остановил удивленный взгляд на календаре: нет, сегодня не первое

апреля. Мозг мгновенно выдал команду порвать открытку, а руки сами по себе засунули ее в карман.

Мозг внес корректив: «Пусть пока так, разберемся...»

В вагончике штукатур выложил:

— Братцы, тут один чудак зазывает меня на новоселье. Вот потеха! Хотите, прочитаю...

Его оборвали:

— У нас такие же...

— Это же, братцы, розыгрыш, — пуще взорвался Кочкин. — Не одного меня, всех — скопом. Сплотимся! Дадим отпор шутнику.

— Кочкин, знай меру, — одернул его мастер. — Человек получил ордер, радуется, вот и зовет от чистой души.

— Почему ты знаешь, чистая она или?..

— Каждый судит по себе, — с ехидцей перебил мастер. — Десять лет парень на конвейере и — одни благодарности, потому что человек обязательный... Словом, я поеду.

Пожелали поздравить новосела с заслуженным орденом столяр и плотник.

Кочкин заколебался. Его приглашают от души, а он, выходит, этому Вохрину уже плюнул в душу. Тот же плотник как вольет в себя граммов двести, так непременно запляшет свою «Барыню»... Посыплется, ой, посыплется штукатурка. Нижний сосед наверняка примчится краснее рака. Ну и...

Безлунная ночь была светлее, чем совесть Кочкина в предсубботную ночь. Тайком пробравшись на объект, Кочкин настоящим раствором затирал щели в этой шестой квартире и пугливо озирался по сторонам: как бы не словили на месте. И вдруг видит: две тени! Тени двинулись не на него, а в сторону.

«Влип! Окружают! — перепугался Кочкин. — Хотят взять в плен! Киноаппаратом ночного видения заделают фотообвинение... Фотозаметку «Очковтиратель-трус» в «молнии»... Обсуждение...»

— Сдаюсь! Берите! Хватайте! Заслужил! — вырвалось у Кочкина.

Тени остановились, заколебались. С виноватым видом Кочкин пошел навстречу... к двум плотникам с рубанком и маляру с ведром краски.

— Выследил-таки, Талейран местный, — выдохнул маляр. — Ну что ж, вынай свой ночной фотокиноаппарат...

Но тут троица заметила, что и Кочкин в спецовке (и была она измазана свежим раствором).

Квартет мгновенно соответственно сориентировался.

— Вот и тут позатри щели, — попросил маляр. — А я еще разок перебелю.

...На торжество пришли все строители. Кочкин — тоже. Потому что был уверен: все теперь сделано на совесть!

Анна Колотушкина

МОЙ ДРУГ — ВОВКА

У меня по соседству живет прекрасный Вовка. Мы с ним на «ты». Вовка учится во втором классе. Встречаемся мы каждое утро. Вместе идем до школы и расстаемся у школьной калитки. Но для меня эти двести метров — ежедневная психологическая зарядка на целый день.

От Вовки можно услышать то, что нарочно не придумаешь.

Понедельник.

— Здравствуй, Вова!

— Салют, соседка!

— Что, торопишься?

— Точно! Хочу первым узнать, кто учить нас сегодня будет. Директор не может учителей назапастись, все по-женски болеют.

Вторник.

— Вовочка, ну как успехи?

— Нормально! Вчера получил две четверки и две точки.

— По каким четверки-то?

— По пению и лепению.

— Не лепение, а урок труда. А точки за что?

— По русскому. Не могу запомнить слово одно. Надо сказать суффикс, а я говорю фикус.

Среда.

Вижу ножницы в руках у Вовки.

— Что, — спрашиваю, — опять урок труда?

— Нет, — отвечает, — на переменах всех косматых стричь буду.

— Да умеешь ли ты?

— Конечно! Я дома собаку сам стригу.

Четверг.

Слышу — догоняет.

— Что с бутербродом-то, не успел позавтракать?

— Я-то успел. Это Светка, она всегда голодная в школу приходит.

— Ты со Светой за одной партой сидишь?

— Нет... Нравится она мне. Правда, она мне вот (показывает чуть выше талии).

...Вот такой у меня друг Вовка. Вихрастый, конопатый, с большими глазами, с доброй улыбкой и всегда в распахнутом пальто.

НЕСКОЛЬКО МЕДИЦИНСКИХ ИСТОРИЙ

Рассказ первый

Понедельник. 7.30 утра. Звонок. Беру трубку. Женский голос:

— У вас сегодня места есть? Спрашиваю:

— А вы записаны на плановую госпитализацию?

— Да, еще в ноябре записалась. Но никак не могу попасть в стационар. Все мест нет. Сейчас очень плохо себя чувствую.

— Ну, хорошо. Приходите сегодня к двум часам.

— Сегодня? Нет, сегодня не могу. Сегодня я должна на работе все уладить, ключи передать, склад и т. д.

— Хорошо, приходите завтра, только к двум часам.

— Нет, и завтра не могу. Завтра у мужа получка... А можно в четверг?

— Ладно, приходите в четверг. Но ведь вы же говорите, что очень плохо себя чувствуете? Уж пришли бы в среду.

— Нет, среда у меня занята. В общем, так. Я в четверг схожу в баню, потом в парикмахерскую, прическу сделаю, все же в больницу иду! В субботу сбегаю на базар, куплю для мужа картошки и мяса. А в понедельник приду ложиться...

Рассказ второй

Жена сопровождает мужа в больницу.

Приглашаю больного в приемный покой. Жена идет впереди. Вопросы задаю больному, то есть ему, отвечает — она.

— Фамилия, имя, отчество?

— Смирнов В. Я.

— Год рождения?

— 1927-й.

— Адрес?

— Горького, 27, квартира 13.

— Место работы?

— ЧТЗ, ЧЛЦ-1.

Спрашиваю у нее:

— Он что у вас, глухонемой?

Ну, тут взрывается больной:

— Ничего я не глухонемой! Она же слово не дает сказать! И так — всю жизнь!

Рассказ третий

У терапевта идет прием. Народу много, врач, естественно, торопится.

— Быстренько проходите, садитесь, на что жалуетесь, что беспокоит?

— Доктор, мне очень трудно дышится, слабость. В общем, плохо себя чувствую.

— Когда вы почувствовали себя больным?

— Давно.

— Как давно?

— Когда в литейку пришел.

— А когда вы пришли в литейку?

— Сразу после армии.

— Когда вы пришли из армии? Я ведь не знаю, когда это было.

— А я не дослужил, меня телеграммой вызвали, у меня мать сильно заболела.

— Ну, хорошо, давно это было?

— Да, давно. Еще дом когда строил.

— Мне с вами очень трудно говорить, — нервничает врач. — Вы можете конкретно сказать, когда вы заболели?

— Могу! Значит, из армии пришел, мать похоронил, дом построил, в литейке четыре года отработал. Да, а вот как только женился, так сразу и стал задыхаться... По ночам так и душит...

Рассказ четвертый

У регистратуры утром. Народ... шумно. Две пожилые женщины стараются перекричать друг друга:

— Ну, как здоровье, Матрена Васильевна?

— Да ничего!..

— Слушай-ка! У тебя вот здесь колотье бывает? — указала на поясницу.

— Бывает.

— А спишь-то на чем, на твердом?

— А как же, на твердом.

— И по утрам ноги тянет, разогнуться не можешь?

— Да, милая, да.

— Так к какому врачу тебя записали?

— К главному.

— А чего ж она меня к невропатологу толкает?..

Виктор Асташевич

БЕРЕЗОВЫЕ ВЕНИЧКИ

Теперь мне кажется, что и насморка-то настоящего у меня не было. Я просто чихнул в тот момент, когда рядом оказался Валеев.

Валеев встrepенулся и посмотрел на меня, как смотрят на больного:

— Насморк! Ну ничего, не волнуйся, они тебя вылечат!

— Кто они? — спросил я.

— Пара березовых веничков! — сказал Валеев так, будто венички действительно были «кто», а не «что».

Лева Валеев у нас работает. Про него говорят, будто бы каждую субботу утром ранним он уходит в баню и возвращается в понедельник.

— Хорошие венички и парная! — убежденно повторил Лева, ласково глядя на меня сверху вниз. — У Феди такие найдутся.

Видимо, я согласился, потому что в субботу рано утром Лева привел меня в баню.

— Ну и спите вы! — встретил нас рыжий парень, с виду помоложе нас слевой.

Это был Федя. Кроме охапки веников, которую он держал под мышкой, у Феди нашелся еще бидон пива.

В бане уже стояла очередь в обе половины — мужскую и женскую. Но мои друзья провели меня прямо в раздевалку. Может быть, они здесь были свои, а может, Федя занял очередь еще до рассвета.

Мы разделись. Причастившись добрым глотком пива, Лева и Федя надели шапочки, в каких на лыжах ходят, и рукавицы, в каких на свежем воздухе работают. Взяли в руки по венику. Не терпелось моим друзьям выгнать из меня этот проклятый насморк.

В парной было так жарко, что не хотелось дышать. Справа ступеньками вверх поднимались лавки, слева была печь, от которой исходила эта жара. Волосы на моей голове накалились, и я понял, зачем нужны шапочки. Я прикрыл голову руками и почувствовал, как обжигает косточки пальцев... А Федя сказал:

— Ну и вырезвитель здесь устроили!

— Уши мерзнут, — согласился Лева.

— Надо поддать малость, — решил Федя и открыл дверцу печи.

Лева набрал воды в кованую кружку емкостью с полведра и кивнул мне:
— Придержи-ка дверь с той стороны.

Я легко выскочил из парной и подпер дверь. За дверью зашипело и ухнуло... а я почувствовал, что лечу.

— Ну кто ж так держит! — выскочил из парной Лева. — Весь пар выпустил. Упрись хорошенько.

Я уперся.

Наверное, у них здорово все получилось, потому что, когда меня завели в парную, я понял — сырым мне отсюда не выйти!..

Жара парализовала. А двое дюжих мужиков хлестали так, будто я украл у них последнюю радость жизни!

Внутри у меня что-то созревало, увеличивалось, выпирало, пытаюсь вырваться наружу. Казалось, как только вырвется, — сразу станет хорошо!.. Вероятно, выходил насморк, а может, отделялась душа... Тело мое поднимали с лавки на лавку, к самому потолку... Я уже был готов, конечно, — это меня обжаривали, поворачивая и отыскивая недорумяненные места... А венички хлестали и гладили... хлестали и гладили...

— Ощущаешь, какая легкость в теле?! — говорил Лева, неся меня в раздевалку.

Он поставил меня на ноги, и я опустился на бидон с пивом...

— Отдохнул малость? — спросил Федя, встряхивая новым, не использованным веником. Из рыжего он превратился вовсе в огненного. — Сейчас тебя еще разок разогреем и начнем топтать. Мастер у нас Лева!..

Я рванул было к коридору, но вспомнил про очередь в женскую половину и остановился. Этим воспользовались мои друзья и взяли меня за руки.

Чувствуя крепкие, дружеские пожатия на запястьях, я смело вошел в парную, лег сразу на третью полку и отключился...

Открыв глаза, я увидел, что покрыт белой простыней. Легкости в теле не ощущал, потому что не ощущал и самого тела. «Так оно и должно быть на том, то есть уже на этом свете», — думал я, не без любопытства озираясь по сторонам.

Возле меня суетились два голых ангела в лыжных шапочках. Цветом они похожи на хорошо проваренных раков. Музыка слышно не было...

В больнице меня навестил Лева. Пришел он не один, а с тем самым Федей.

— Ну, как твой насморк? — спросил Лева.

— Спасибо. С насморком все в порядке. Доктор говорит, что тут какая-то астения.

— Астения? Ну, это мы из тебя быстро выгоним! — Он поправил одеяло у меня в ногах, показал на Федю: — Достал дюжину дубовых веничков!..

ИНОСТРАНЕЦ

Явно не вовремя вошел шеф, неожиданно... И не так он наивен, Борис Сергеевич, считали в бюро, чтобы портить кровь себе и людям, а тут вот возник «без доклада».

По столам пронесся шорох, но к кульману встать никто не успел. Кроме Бровиной, конечно, которая от кульмана не отходит. (Надо больше всех!..)

Отработанным движением Конев задвинул в стол шахматную доску (у него слабость: он способен оценить позицию только на большой полноценной доске); уронил, правда, короля, но и успел отметить, что король-таки противника...

Не менее ловко Красина избавилась от макраме (плетет она исключительно из любви к искусству!) и успела еще метнуть взгляд на Марию Петровну... Но та убрала вязание (вяжет сейчас мужу шапочку «Петушок» для бега трусцой), не потеряв ни одной петли...

Проще всех Печерице. У него реквизиту — всего ничего — листок бумаги в клетку, где он ходом шахматного короля строит слова. (Дома он играет с женой в «Королевский квадрат» и берет тайком игру на работу, как берут работу на дом...)

А вот Митрич (так в КБ прозвали добряка Дмитрия Ивановича) очнулся с опозданием. Шеф, по мнению

кабешников, успел заметить, как тот дремал, подперев руками свой «сократовский» подбородок...

Одна Верочка не суежилась: не стала прятать зеркало и косметичку и продолжала наводить макияж. Но только всем своим видом показывала теперь, будто делает это исключительно для вошедшего шефа...

Борис Сергеевич был возбужден. Он попросил внимания, хоть просьба была уже излишней, и сказал:

— Сейчас вы увидите настоящего иностранца!..

— ???

— Да-да, иностранца, я не шучу! Он на нашем предприятии проходит в порядке, так сказать, технического сотрудничества...

По бюро снова прошло движение.

— Николаев у нас, кажется, в отпуске?.. Вот гость и будет работать пока на его месте.

Митрич проснулся окончательно... а Верочка застыла с открытым и недокрашенным ртом...

— Так что, сами понимаете!.. — в голосе шефа зазвенел металл.

...Не успели в бюро «переварить» новость, а уже снова появился шеф, пропуская вперед себя человека. Это был молодой мужчина, одет в джинсы (ношенные) и вельветовый френчик тамошнего покроя. По внешности его вроде бы и не было ничего «сверх», однако ж сразу чувствовалось, что человек не наш.

Иностранец улыбался, открывая зубы все, какие есть («голливудской» улыбкой, — решили кабешники, — конечно, фальшивой!..), и держался свободно (этого у них не отнимешь!).

— Мистер О'Браен! — сказал шеф так, будто тем только и занимался, что всю жизнь представлял иностранцев.

— How do you do, ladies and gentlemen! — жизнерадостно произнес гость на настоящем иностранном языке. И тут же, зафиксировав легкий поклон, перевел на ломаный русский:

— Страстфуйте, тофаричи!

В одной руке он держал потрясный «дипломат», в другой — тубус, в каких и у нас носят чертежи.

Шеф проводил иностранца в конец комнаты к свободному месту и удалился, сделав по ходу подходящую ситуации пантомиму.

В КБ вроде бы ничего не изменилось — и вроде изменилось все! Как если бы вместо кульманов каждому вдруг поставили по мольберту... Казалось, сам воздух сменился в помещении.

Когда спало оживление, какое бывает при всяких пертурбациях, перемена атмосферы сделалась ощутимой. Конструкторы стояли у мольбертов... то есть, у кульманов и грызли карандаши... Даже Бровина выбилась из ритма работы. (...Только год, как она пришла из копировщиц). Всем было ясно, что день потерян!

...Не принес ничего нового (нового, положим, было достаточно!) и следующий день. Если не считать, конечно, выходки Печерицы.

Пользуясь тем, что его занятие легко замаскировать, он достал расчерченную бумажку и, не переставая грызть карандаш, начал придумывать слово из семи букв. Слово из семи гарантировало ему выигрыш! Но вертелись пока слова только из пяти букв. (Из пяти и жена записала!..) Правда, если вписать букву «и», то получится «плетень». Но тогда жена, в свою очередь, могла написать «сплетение», добавив букву «с». А он знал: жена свой шанс не упустит...

Печерица вдруг почувствовал, что на него смотрят! Легким движением он прикрыл листок и скосил глаза.

С одной стороны в упор смотрел Конев. Смотрел осуждающе, собрав в гармошку кожу под заломами! Печерица понял — Коневу срочно нужно сделать ход и передать его в отдел технолога (он играл в шахматы по телефону)...

С другой стороны резала глазом Марья Петровна. У нее было свое: приближался сорокапятилетний юбилей

мужа, а «Петушок» еще не готов...

Печерица убрал бумажку и уставился на чертеж, приколотый к кульману.

Мимо проплыла Верочка, не первый раз вырубивая в поле зрения иностранца. Она была при новой прическе (про косметику можно не говорить!) и в фирменных брюках; таких брюках, которые заставили бы залиться краской джинсы иностранца, если бы штаны умели краснеть. Но хозяин джинсов чертил, не отрываясь от кульмана, демонстрируя «западную» деловитость (ту самую, хваленую!).

Больше всех в КБ мучился Митрич, коротая нескончаемый рабочий день. Ему ужасно хотелось сесть. Но он знал, что если сядет, то заснет! Тогда он задумал покурить, но сомневался, удобно ли это теперь... (Вообще-то и курить он не любил — никак не мог привыкнуть к табаку — но курил иногда, как советовали, для избавления от тучности.)

Митрич выбрался из-за кульмана и встал в нерешительности. Налево был выход из бюро, направо — иностранец... Пошел все же к иностранцу и, показывая на сигарету, попытался объяснить:

— Покурить... смокинг!..

— Thank you! — сделал отрицательный жест мистер О'Браен. Видимо, понял так, что его хотят угостить сигаретой.

Митрич потоптался на месте... потом спрятал сигарету и вернулся к кульману.

Иностранец работал сосредоточенно и напряженно, если и поглядывал на своих русских коллег, то только изредка. Похоже было, что его где-то там проинструктировали насчет контакта...

Бывает, люди, долго находящиеся вместе, приобретают способность, не сговариваясь, действовать единодушно... Терпение кабешников лопнуло на третий день!

«Что?.. заискивать перед «иностранщиной»?!. Ну уж, нет уж!..» — будто возмутились все враз.

А тут еще (кстати!) иностранец припоздал с обеда. Когда он появился, в бюро уже успела вернуться прежняя атмосфера...

Массируя пальцами залысины, трудился над шахматной доской Конев. Мирно посапывал Митрич, безропотно отдавшись стулу и дремоте. Верочка стояла возле Красиной и наводила маникюр. Ловко манипулируя пальцами, Красина колдовала над рядом бисерных узлов итальянского макраме. В ускоренном темпе орудовала кольцевыми спицами Мария Петровна, наверстывая потерянное время. У кульмана работала одна только Бровина (которая не в счет!)...

Находя уверенность в солидарности, каждый спокойно занимался своим делом, не обращая внимания на «высокого» гостя.

Но вдруг, как-то все враз — будто кольнуло! — оглянулись на него... Иностранец не работал!..

Откинувшись на стуле, забросив ногу в узконосом ботинке на стол, он воскликнул, не скрывая восторга:

— Boycott!.. Забастовка... O'key!.. Понимай!.. Солидарна!..

Это было — как гром среди ясного неба!

Бровина перестала чертить и села на стул.

У Марии Петровны вылетели две спицы, так быстро — словно обожглась — избавилась она от вязания. «Чего придумал!..» — пронеслось у нее в голове.

Конев смахнул всю позицию, резко задвинув шахматы в стол: «Забастовка!.. Какая может быть забастовка?!. У меня очередь на «Жигуль» подошла, а он — забастовка!..»

Даже Митрич проснулся. Вскочил со стула... — понял что или не понял — лицо его приняло по-детски обиженное выражение.

Но больше всех поведение иностранца возмутило Верочку! Размахнув во всю ширь накладные ресницы, она

шептала, отвернувшись от иностранца, но так, чтобы слышали свои:

— Вишь, чем взять захотел!.. Империалист проклятый!..

Когда в конце дня заглянул шеф, подтянутый и немногословный, он застал своих подчиненных в идеально рабочих позах, будто все бюро фотографировали для доски Почета!..

Деловую, производственную обстановку находил он, к своему удовольствию, и в последующие дни. Даже бормотания Митрича не нарушали ее, а скорее подчеркивали.

К гостю привыкли, как привыкают, например, к новогодней елке, если она долго стоит в комнате, он перестал казаться таким уж экзотическим, таким «не нашим». И, когда на исходе второй недели иностранец простился, безбожно коверкая русский язык, и в сопровождении бдительного шефа исчез со своим потрясным «дипломатом» и невзрачным тубусом, кабешникам стало даже грустно! Все стояли у кульманов и грызли карандаши...

Если бы кто-нибудь из подчиненных последовал за начальником, то увидел бы нечто странное.

Заведя иностранца в свой кабинет, Борис Сергеевич вдруг панибратски положил руку на его плечо и сказал:

— Ну, Коля, у нас в кармане квартальный план и премия, у тебя — дипломный проект! Желаю тебе успеха в институте!.. А мне пожелай придумать что-то новое... Будь здоров, спасибо... с меня причитается!..

Мария Кленова

СЕРДЦЕЕД

Сухонького Сим Семыча с седишками на висках, говорят, все еще любят дамы. Он по-модному одевается. На нем желтое в клетку пальто, берет, сумка спортивная через плечо. Не так давно он изменил этой юной спутнице жизни — сумке, приобрел портфель.

Приходя со службы домой, Сим Семыч долго, тщательно у порога вытирает о влажную маечку ноги, с умилением осматривает красненькую дверь.

Вот кнопка от звонка. А вот беленький номерочек от квартиры, а вон скважинка. Это замок английский. Дверь запирает напроць!

А вон пятнышко. Ноготком он хочет сковырнуть пятнышко — ничего не получается.

Это его дверь. Собственная дверь от собственной квартиры. И он с достоинством открывает ее, пальцем — хлоп! — задвигает язычок английского и запирает дверь на свой, отечественный замок.

«Кто знает, какую штуку за ночь выкинет «англицкий»? Еще на службу не попадешь! То-то и оно: «Мой дом — моя крепость!»

Сегодня расстроенный тем, что не досталось в буфете апельсиновых долек, он толкнул дверь локтем и сразу скинул обувь.

Но тут резкая боль пронзает его спину. Он вскрикивает и прислоняет плечо к дверному косяку.

«М-да... неженатый человек... тьфу — и нет тебя, как и не бывало!»

Боль в спине стихает, и Сим Семыч уже сузившимися в довольной улыбке глазами обегает комнату с большим шелковым абажуром, низко опущенным над столом, приходит в восторг:

«Моя... совершенно отдельная... полная самостоятельность...»

Но заваленная узлами, коврами и ковриками, она уводит его не в столь отдаленные блаженные дни, и образ «хозяйюшки» встает в его сознании во всей своей кроткой ясности.

«Скажем, навести порядок... Молодаюшка — раз, раз, раз — и шик-блеск! А ты сиди себе в кресле, смотри телевизор и занимайся ногтишками — стриги, пили, подкрашивай... «Анюта, подай, будь добра, голубушка, вон те вон шлепанцы — ноги после ванны, пусть себе отдыхают»... М-да-а! Что ни говори, а жена — существо в доме не лишнее».

Вздыхая, он шлепает в вышитых тапках на кухню, заглядывает в бар, а не пронюхал ли винное его царство холера-сосед — вор, пьяница, паршивец.

Вчерашние куриные косточки еле-еле прикрывают дно в мусорном ведерке.

«Нет, так дело не пойдет, так, чего доброго, и мышь заведется! Тоже мне механизация, понимаешь! Удобство — мусорные машины! Жди, когда у несемейного человека наберется ведро, карауль эту самую госпожу-карету четырехколесную!» — Он держит ведерко в руке, озирается по сторонам. И вдруг счастливая идея осеняет его несчастную голову.

Он складывает косточки в пакетик и кладет на ботинки, чтобы прихватить завтра с собой.

Щеки Сим Семыча в нервозных гримасах. Ему вспоминается разговор.

«Правда, что судьба играет человеком, а человек лишь на трубе играет... — ухмыляется Сим Семыч. — Иван Иваныч... Умник. Мне: «Квартиру получил — радуйся! А чего бы ты еще хотел?!» Чего бы я еще хотел? Наивный человек... А ты, милейший, чего бы еще хотел на своем и моем месте?»

...Утром, наводя на себя последний лоск, Сим Семыч бежит к дверям. Потный, красный, он трясет на себя

дверь. Приналегает плечом.

«Шик-модерн квартира! Замки отличного качества!..»

Он колотит в дверь... дробно, мелко.

«Вот тебе номер с хвостиком. Чего боялся, того и дождался!»

— Эй, слышишь, чего барабанишь? — отозвался холера-сосед.

— Не отворяется, каналья... выручай, голубчик!

— Поверни кружочек от себя, за собачку дерни, — отвечает вор, пьяница, паршивец.

...В одной руке — портфель. В другой — важный синий пакет. Сим Семыч спускается по лестнице. Он бережно прижимает пакет к груди. Тянет портфель к голове, поправляет берет.

«Нет чтобы во дворе поставить деревянные, как в старину, ящики... пошел, вывалил мусор, когда тебе удобно, когда тебя больше устраивает, а то мусорку стой, дожидайся... Стой и жди, когда ее величество — королева замызганная — соизволит приползти... А ты, изволь, вылезай из ванны, напяливай штаны, беги догоняй ее с ведром под мышкой... Сколько чести, понимаешь!.. Тьфу! И чья-то голова ведь придумала, еще и премию, поди, выписали за рацпредложение!»

Он ныряет в проходные дворы. Ящики для отходов на глаза ему не попадают.

Он спешит на службу. Голова его гордо поднята. Давешний маленький страх и волнения отходят окончательно.

Вон уже дом... подъезд... Ступенька... две... десять — позади...

Длинный коридор. Дверь вправо, дверь влево... прямо... Вон стул и стол с тремя ящиками.

«Кхэ... седьмое марта... смотрят... любопытничают коллеги... полагают, приготовлен подарок некоей даме...»

Сим Семыч кладет пакет в верхний ящик, затем перекладывает в средний, вынимает и снова — в верхний.

«Дам пацану десятчик, — решает Сим Семыч. — Дети — народ сознательный. И то сказать: наше будущее».

Он бежит к начальству отпрашиваться по неотложным обстоятельствам.

В мозгу начинает рисоваться экстравагантная дама с черными страстными глазами.

«Когда будет грустно, когда будет скучно, когда некому будет, как говорится, морду набить, милости просим ко мне на огонек, в мои апартаменты. — Слова льются, давят нервы. — Одному ужасно трудно, до умопомрачения трудно. Недавно похоронил я женщину. — Он представляет, как при этом растянет свой махонький ротик дама, и повторяет: — Да, очень близкую мне женщину... а теперь, видите ли, сестра покидает этот мир... Из-за нее ведь я холостяком остался. Младшенький... Серафимчик, поешь. Серафимчик, простудишься... три ковра, хрусталь... сберкнижка на машину и английский велосипед...»

Сим Семыч бросает взгляд на обрадованные черные глаза экстравагантной дамы... И кровь ударяет ему в лицо.

Он видит перед собой обожаемое начальство. И тут же впивается в него обожающим взглядом.

— Все стою и думаю: идти... то ли, может, не идти, — с приятной, сладкой улыбкой на чистом выбритом лице говорит Сим Семыч.

— Чего же, — холодно отвечает замороченное начальство, — коль уже оделись?

— Нет, — не хватает у Сим Семыча смелости согласиться с начальством. — Пожалуй, вернусь в свои чертоги. — И понимающе улыбается, тычет пальцем в небо: — Что, Иван Иванович, обратно на ковер?..

Под столом — портфель, набитый молочными бутылками. Можно успеть до прихода начальства сдать в магазин. Однако...

Ах, Сим Семыч! Он кулачком ударяет себя по лбу. Глаза веселеют.

«Грушеньке позвоню... хорошая женщина — Грушенька-а!»

Предавшись заманчивым иллюзиям, он бежит, бежит по коридору звонить Грушеньке... И останавливается.

Мысль о подарке к Восьмому марта подавляет благой его порыв. Он переносит свиданье с Грушенькой на девятое.

ПОМНИТЕ, У ПУШКИНА?..

Редактор еще только притронулся к двери, как сквозь узкую щель опять увидел на столе этот злосчастный материал. Он ведь его уже подписал!

Не раздеваясь, подсел к столу. Фразу, в которой, казалось бы, не должно быть ошибок, корректор подчеркнул, а слова «от ней» взял в кружок.

«Помните, у Пушкина?.. — заигрывал с читателем автор: — «И мысль *от ней* одушевила его цевницы первый стон?»»

— Пардон, что-то такого не припомню, — опустошенно пробубнил редактор, и красные пятна покрыли его лоб и шею.

Он отодвинул с глаз машинописные листы и набрал номер телефона.

— Скажите... вот это место, — мягким, вкрадчивым голосом и небывалой воспитанностью обратился к автору редактор.

— Одну минуточку, — горячо подхватил автор. — Пороюсь в бумагах. — Он тотчас вернулся к трубке, ответил: — Все верно. Прошло в газете.

— Нет уж, — повысил голос редактор. — Вы уж, будьте добры, не по газете сверяйте, а томик Пушкина в руки возьмите... Кстати, откуда строки?

— К-аа-к от-ку-да? — Автор был растерян, зол и несколько озадачен. — Хорошо, — ответил он

небрежно, — замечание понял...

На другое утро снова позвонил редактор.

— Все верно, — оборвал его автор с подчеркнутым высокомерием. — Цевница... знаете, есть такой народный духовой инструмент, типа свирели...

— А при чем тут цевница? — уже вскричал редактор. — Вы-то сами? Са-ми! Знаете, откуда эти строки? — Всем телом наклонясь к трубке, редактор вращал белками разозленных глаз: — Сами? Из любопытства? Из простого интереса? Для себя! Читатель, возможно, и помнит?

Он бросил на рычаг трубку. Встал гордо и утомленно. Хотелось куда-то идти, идти, идти, чтоб забыться, а еще лучше — разверзлась бы под ногами земля и до дна бы моря вниз головой: до того все осточертело, все казалось невыносимым.

Тяжело вздохнув, надел шляпу. Закрыв стол. Положил в карман сигареты. Под столом валялась трость — поднял ее.

И тут раздался спасительный звонок.

— Слу-шай-те! — Взрыв восторга ошеломителен. Автор необыкновенно польщен. — Из «Евгения Онегина», — выкрикнул он победно. — Вторая глава. Двадцать вторая строфа. Вот:

Она поэту подарила
Младых восторгов первый сон,
И мысль об ней одушевила
Его цевницы первый стон...

Он бурно расхохотался.

Но не без горечи, разумеется. Строки не откуда-нибудь, а из «Онегина».

— Конечно же, «об ней»! «От» — вычеркните, — басил он. — Как это корректор не заметил?! Глазная ошибка, понимаете... ерунда явная... абракадабра...

Он снова рассмеялся.

— Ну и тяжела же ты, шапка Мономаха! — попытался иронией несколько смягчить неважнецкую ситуацию автор.

— А выкиньте ее, Иван Алексеич, к чертовой матери, — съехидничал редактор.

— Как, то есть, выкиньте, коль богом дадена?

Остановить теперь Ивана Алексеевича было уже трудно.

— Дай, думаю, по слогам сличу... слепой я, что ли, ошибки не нахожу?

Долго еще, со всеми подробностями, не замечая, что начинает повторяться, Иван Алексеевич рассказывал, как достал словарь, как искал у Пушкина строки, которые привел в рукописи по памяти...

Редактор, естественно, не отнимал у автора право на победу. И все же, в отместку за муки и страдания, слушая его, деловито пробегал текст, надеясь найти хоть что-нибудь, чтоб прицепиться. Но было будто все в порядке.

Если исключить фамилию самого Ивана Алексеевича, в которой имелась опечатка, и она проскочила тем и другим не замеченной.

Валерий Козловский

КОНСТРУКТОР ИВАНОВ

На одном заводе было что-то с планом. Нет, его выполняли. Но! Почти! Почти по всем показателям, кроме плана по сбыту.

Делал завод одну вещицу. Для дома и семьи. И не одну, а столько, сколько было запланировано плюс на несколько штук больше. Нет, теоретически вещь в хозяйстве нужная и даже очень. Только вот получалась она несколько тяжеловатой, несколько высоковатой и дороговатой. И плана нет. По сбыту. Не берут и все. Мимо проходят, а покупать не покупают. Месяц не берут, два не берут... На третий — вызывает директор к себе главного инженера.

— Иван Иванович!

— Слушаю вас, Василий Васильевич.

— У тебя вещица наша в доме есть?

— Нет!

— Почему?

— Э... — хотел было главный инженер долго и умно объяснять, но директор хлопнул рукой о стол и сказал:

— Не надо разговоров. Надо купить!

Главный инженер — не директор. Как отказать? Купил. Купил и вызывает на следующий день к себе главного конструктора. Тот только дверь в кабинет открывает, а главный инженер ему:

— У тебя вещица наша есть?

— Нет! — отвечает главный конструктор.

— Почему?

— Я что — дурак, по-вашему, что ли, — возмутился главный конструктор. — Она же...

— Не надо, — поднял главный инженер на него глаза, — не надо объяснений. Купить!

Купил главный конструктор вещицу. Пока в сарайчик поставил. Купил и вызывает к себе начальников отделов.

— А есть, — говорит, — у вас в доме паша вещица?

— Нет! — дружно отвечают начальники отделов.

В общем, в этом месяце завод план выполнил и по сбыту тоже.

На следующий месяц главный конструктор в сарайчик вторую вещицу поставил. Поставил и задумался, прикинул площадь сарайчика и загрустил. Ну, парочку месяцев он еще выдюжит. А дальше?.. Ведь деньги плачены и не малые. Им самим, из собственного кармана.

Сидит в кабинете, чуть не плачет.

Стук в дверь.

— Войдите! — кричит. Входит конструктор Иванов. Не бритый, костюм мятый, глаза красные.

«Наверное, в отгул, за свой счет, проситься будет», — главный конструктор недовольно полагает.

— Петр Петрович, — говорит Иванов. — Я вот тут третью ночь не сплю. Думаю все.

— Как так, Иванов, почему? — удивляется главный конструктор.

— Да на новом месте всегда поначалу не спится.

— Ты что же, квартиру новую получил?

— Да нет, в своей спать негде. После того, как еще одну вещицу купил, жена у матери ночует, детишек родственники разобрали. Я — в отделе.

— Да, дела! — вздыхает главный конструктор.

— И я к вам по делу, — обрадовался Иванов. — Третью ночь не сплю. Думаю все. Вот предлагаю. — И чертежи протягивает. — Вещица наша. Легче, дешевле, а главное, — облегченно вздыхает, — меньше.

В общем, на одном заводе было что-то с планом. Но...

Впрочем, на нашем заводе с планом все в порядочке. И по сбыту тоже.

Иванов ночует дома.

КАБЛУК

— Можно вас? — услышал я за спиной неуверенный голос. — Не помешаю?

«Помешаешь», — подумал я, так как именно в это время решал дифференциальное уравнение четвертого порядка.

— Ну, что вам? — оборачиваюсь и вижу: стоит дядя в замшевом пиджаке и кирзовых сапогах. Около него валяется большой грязный мешок, набитый чем-то доверху.

— Вот принес, — говорит дядя, широко улыбаясь.

— Что это? — интересуюсь я и тоже улыбаюсь.

— Каблуки!

— Какие каблуки? При чем здесь каблуки? — Удивляюсь. Ничего не понимаю.

— Какие? — Дядя начинает развязывать мешок. — Известно какие. Высший сорт.

— Это ты брось! — соскакиваю со стула и мешаю развязывать мешок. — Я тут при чем?

— Так к вам приказали обратиться!

— Кто?

— Вахтер внизу! А потом это, — он бросается к моему столу, и хватает табличку, стоявшую на ней. — Вот, я сразу заметил. — Он ставит на место табличку и снова начинает развязывать мешок. — Так что принимайте.

Рассматриваю табличку. «Тишкин А. Г.» Все правильно, Тишкин — это я. А дальше. Я замираю от ужаса: «Старший инспектор по приемке каблуков». Да, все верно. Когда-то я и в самом деле принимал каблуки.

Дядя между тем мешок уже развязал и залез в него с головой. Наверное, ищет свой лучший экземпляр.

«Надо его кому-то сплавить». Тороплюсь.

«Жукову?» Так он на курсах филуменистов. Зуев и Сидоров — на семинаре «Живопись и дети». Иванов — на курсах эсперантистов.

«Стоп! — осенило меня. — Прощечкин. У него завтра курсы по рыбоводству начинаются. Так что он здесь».

— В общем, так, гражданин, — хватаю его мешок и тащу к дверям. Дядя за мной. — Сейчас скажу, куда вам. — Дядя хватается мешок и тащит его обратно. — Вы что, глупый? — возмущаюсь я. — Не хотите сдавать каблуки?

— Хочу! — возражает дядя.

— Тогда слушайте... Сейчас пойдете по коридору, третья дверь налево...

«Нет, все-таки занятия прикладной математикой делают ум изобретательным», — думаю я, закрывая дверь за дядей.

Проходит ровно пятнадцать минут. Вдруг дверь с шумом открывается. Врывается Прошечкин, а за ним дядя в замшевом пиджаке и кирзовых сапогах.

— Нет, ты посмотри какой каблук, — опять начинает песню дядя. Он извлек его из мешка и вертит перед самым моим носом.

Я присмотрелся и — мать честная! Это надо же! Ну, точь-в-точь такой же на моем правом ботинке. Старом. С левого каблук уже год как потерял, и теперь ботинки пылятся где-то в кладовой.

— На тебе два рубля и вываливай сюда, — говорю я дяде.

— Два рубля? За такой каблук? Не отдам ни за что.

Он начинает рыться в мешке.

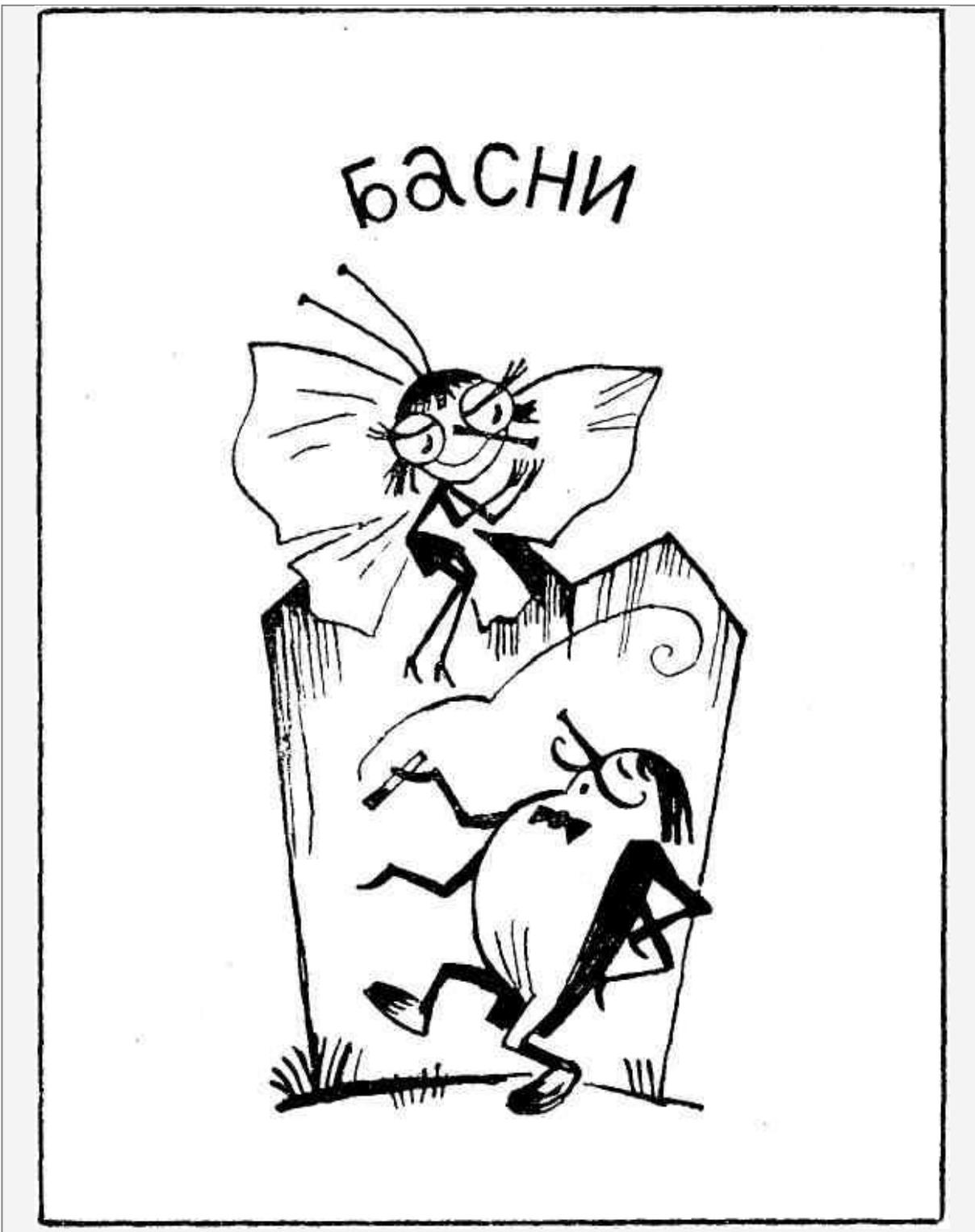
— Ты смотри, какой товар! И все согласно ГОСТу. — Он преданно на нас смотрит, но у меня денег больше нет.

— А! — не выдерживает Прошечкин. — На! — Он протягивает дяде три рубля и тридцать копеек...

Домой я летел, как на крыльях.

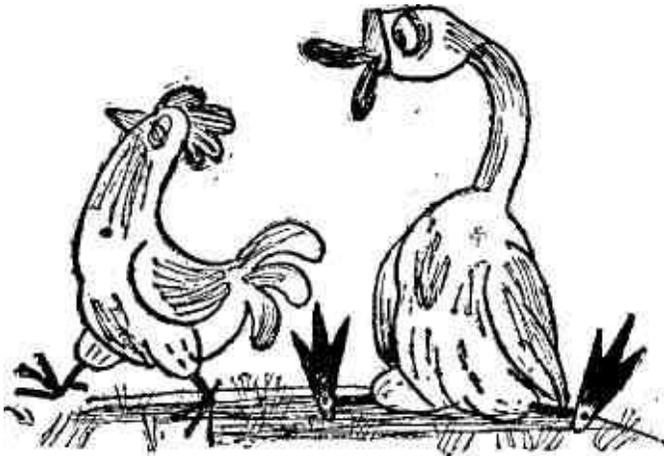
«Завтра же записываюсь на курсы по приемке каблуков. Я вам покажу прикладную математику, — грозился я, сам не зная кому... — Ученье свет».

БАСНИ

ГУСЬ-ХВАСТУН

На птичий двор с прогулки возвратясь,
Гусь начал важничать, хвалиться. —
Я всесторонне развитая птица,
Какой весь свет не видел отродясь.
Я все могу, что захочу:
И бегать по земле, и плавать я умею,

Задумаю, так полечу —
На это крылышки имею.
И спеть могу га-гармонично!
И оперение мое довольно симпатично.
А вот, к примеру, индюки —
Так все сплошные дураки,
И куры — тоже дуры...
— Пстой, хвастун, пстой, —
Гуся оборвала Хохлатка. —
Ты призови себя к порядку.
Чего ты хвалишься собой?
Умеешь бегать, говоришь?
А сможешь ли догнать хотя бы Мышь,
А убежишь ли от Лисицы?
А так, как Голубь, полетишь,
Хоть он и не из быстрых птиц

(Быстрее летает Сокол)?
А плавать? Можешь ли, как Окунь?
Теперь скажу о пенье:
Чтоб выслушать твое «Га-га»,
Большое надобно терпенье,
Приятней слушать даже Петуха...
Итак, коль разобраться строго,
Ты хвалишься, а между тем
Владеешь многим понемногу,
А в совершенстве-то ничем!

ШЛЯПА И БАШМАК

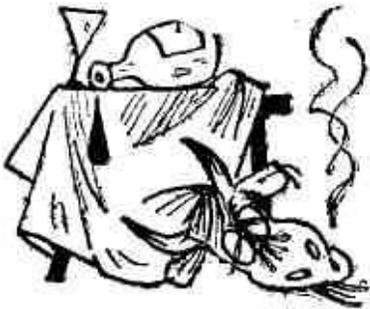
Мужская Шляпа с дамским Башмаком
Негромкий разговор вели в прихожей.
— Признай, Башмак, что жребий твой ничтожен.
Я б в положенье унижительном таком
Не прожила бы и мгновенья:
Хозяйка трет без сожаленья
Твою подошву о паркет, асфальт...
Тебя, Башмак, мне жаль!
То ль дело я! Своим велюром
Густую покрываю шевелюру.
Хозяин мой из тех мужчин,
Которым жалован высокий чин,
А я на голове его.
И, стало быть, я — выше!..
Но Шляпу тут прервал Башмак:
— Потише!
Чего расхвасталась ты так?
Не замечаешь ты, зазнайка,
Что твой хозяин и его высокий чин
И ты же, Шляпа, иже с ним,
Под башмаком моей хозяйки!

КОРОВА И СЕДЛО

Корова в стаде на лугу
Подруге говорила:
— Похвастаться могу,
Какую я вчера диковину купила —
Сила!
Сто семьдесят целковых отвалила!
Зато уж вещь. Таковую никому
Из вас иметь не приходилось. М-му!
Подруге любопытно:
— Что мычишь?
Скажи-ка лучше, купила что ты?
— Скажу, коль любопытством ты горишь.
Седло ненашенской работы!
Такое, знаешь ли, под цвет волны,
Прошито строчкой необыкновенной,
А кожа на заклепочках стальных
И стремяна из полиэтилена.
— М-м... Говоришь, отличная работа?
Быть может... но одно я не пойму:
На что сдалось тебе седло-то?
— Да что ж тут не понять?
Стремлюсь от жизни не отстать!
Ведь жизнь, как парус на ветру,
За ней попробуй угонись-ка!
Мои соседи по двору
Кобылы Сивка с Лыской
Давно уж седлами обзавелись.
А что я, хуже?
 Нет, шалишь!
Гонясь за модой,
Нельзя пренебрегать природой,
Не зря о вещи родилось присловье:
Она подходит,
 как седло корове!

ПРИГЛАШЕНИЕ К СТОЛУ

Козленок взрослым стал козлом:
Бородка клинышком, рога загнулись лихо.
В ту пору старая Козлиха
С седым Козлом-отцом
Уселись, вечерком решать,
Кого на свадьбу к сыну приглашать.

Был назван гостем непременно
Начхлева — пожилой Бугай,
За ним Осел — завскладом сена,
Потом дворовый пес Пугай,
Который вот уж третий год
Всю бдительность былую потерял
И в коллективный огород
Козлиху иногда пускал.
Был гостем назван Гусь знакомый,
Хоть польза от него невелика,
Но он был писарем в Дворкоме,
А там нужна своя рука.
В число гостей попал Петух.
Хоть был он драчуном и забиякой,
На свадьбе мог затеять драку,
Зато служил в конторе «Козий пух».
Когда же список огласили,
Воскликнул молодой Козел:
— Что за мура?

Вы главных-то моих гостей забыли —
Козлят с соседнего двора!
Коза
Большие сделала глаза:
— Козлята эти нам к чему же?
— Ну, как к чему? Они мои друзья,
Я с ними чуть ли не с рожденья дружен.
— Э-эх, сынок,
Какой же в вашей дружбе прок!
Получишь ли от них хоть шерсти клочок?

ЖЕРТВА МОДЫ

В квартире у Зайца семейное лихо:
Все нервы издергала Зайцу Зайчиха,
Знай, голосит, уши вытянув в стрелки:
— Какая шикарная шуба у Белки!
Что делать? Бедняга пошел на уловки:
Он кроликам продал запасы морковки,
Свой отдых и свой рацион сократил,
На модную шубу деньжат сколотил.
Зайчихе, конечно, отрадно и любо,
Напялила к вечеру беличью шубу
И в перелесок пошла погулять —
Взглянуть на других и себя показать.
И вдруг (о, коварство!) в кустах краснотала
Она молодую Лису увидала!..
Зайчиха, кусая пушистые губы,
Цедила сквозь зубы:
— Вот шуба, так шуба!
И снова для Зайца настала пора —
Хоть умирай, хоть беги со двора.
Зайчиха не пьет и не ест и не спит,
С утра и до вечера слезно вопит:
— Шубу подай мне, как у Лисицы, —
И глазом раскосым на Зайца косится.

С этой поры поседевший Косой
На веки веков потерял свой покой:
А если Зайчихе случайно приснится
Бобриха иль выдра, иль, скажем, куница?
А вдруг где-нибудь попадетя тигрица?..

ИНОЙ ТАЛАНТ

В краю Чижей, Стрижей, Дроздов
Одной строительной конторой
С названием «Стройптичгнездо»
Пять лет руководил Медведь матерый.
Дела в конторе шли ни валко и ни шатко,
То там просчет, то тут изъян.
Частенько недовыполняли план,
Короче — мало было там порядка.
Мне как-то жаловался Чиж:
— Вот ты поди ж!
Медведь-то наш отъявленный бездельник,
Слоняется по лесу целый день.
Погреется на солнце, ляжет в тень,
А то залезет в можжевельник
И лижет шишки там. Лишь вечером
Придет на стройку грузною походкой,
Чтобы в Главлес отправить сводку
И до своей Медведихи — бегом.
И вообще, что из Медведя за строитель?
А вот поди же ты — руководитель!
— Ты, Чиж, Медведя не хули, —
Как будто выросши из-под земли,
Вмешалась в разговор Сорока, —
Медведь — талант, каких не так уж много,
Ведь далеко не каждый в жизни
Способен, если здраво рассудить,
Ни бе ни ме в строительстве не смысля,
Пять лет строительством руководить.

Тут нечему особо удивляться —
Не одного такого знает свет.
К работе у него таланта нет,
Но есть талант приспособляться.

ВЕРБЛЮД И КОНЬ

Верблюд зашел однажды в зеленя
И с завистью воззрился на Коня:
— Какой красавчик этот Конь,
Как складно он устроен —
Осанист, гладок, строен.

И взгляд — огонь!
А вот меня коварная природа
Зачем-то создала уродом:
Немилость проявив ко мне,
Мохнатый горб привесила к спине.
И тут Верблюд истошным ревом разразился
И, морду вверх задрав, взмолился:
— О, боже, сделай так, чтоб у Коня
Такой же вырос горб, как у меня!
Услышал Конь:
— Мне странно, брат,
Какую же корысть ты с бога тянешь?

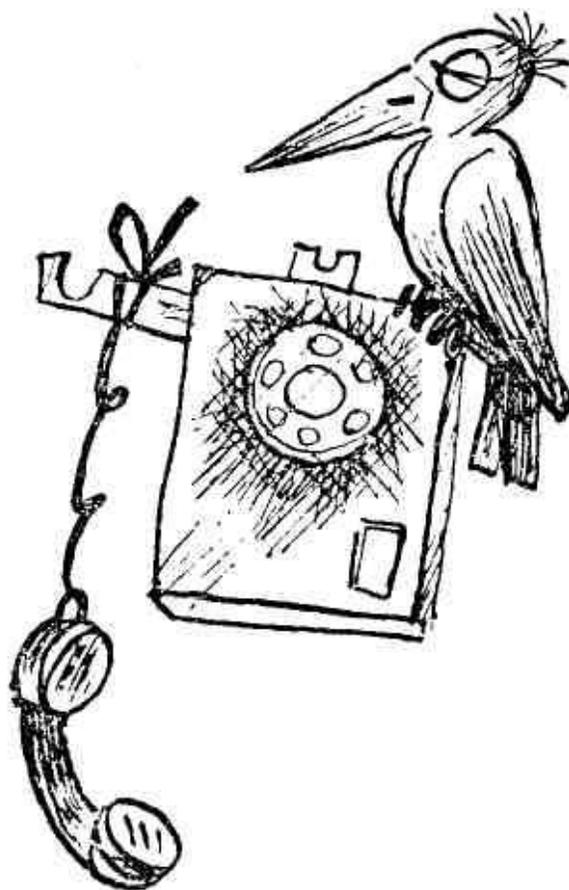
Ну, скажем, буду я горбат,
Но ты от этого прямым не станешь!

ПТИЧИЙ ПЕРЕПОЛОХ

Грачей видали вы в полях и огородах?
Ну что плохого скажешь о грачах!
Вот разве громко покричат,
Но такова уж их порода.
И все ж, недаром говорят,
В семье не без урода.
Однажды два Грача
Травы ль дурной какой хватили
Или чего напильсь сгоряча,
Но бед немало натворили:
У Ласточки разрушили гнездо
И пух по ветру раскидали;
Двух пожилых Дроздов
В Кротовую нору загнали;
У Пеночки разбили пять яиц
И что-то там еще понатворили...
И вот — переполох среди птиц!
Сороки первыми заговорили:
— Грачи-то нынче каковы!
Совсем переродились.
Ни червяков уж не едят и ни травы,
Все в хищных ястребов, злодеи, превратились!
Страх обуял Дроздых, Скворчих,
Грачей обходит стороною Аист...
А что ж Грачи?
Как были, в основном, грачами и остались.

КОРОТКО О РАЗНОМ

КОРОТКО
О
РАЗНОМ

Константин Берегов

ЛИЧНОСТЬ

Упитан, выхолен и розов —
Краснеет от жары и от морозов,
Но никогда
Он не краснеет от стыда.

Н-СКОЙ СТРОЙКОНТОРЕ

В новом доме под окошко
В щель нырнула мышь от кошки.
Когда же дом подсох немножко,
За мышью в щель нырнула кошка.

ВОПРОЕКИ ТРАДИЦИИ

— К нам ревизор! Замзав, изволь
Готовить срочно хлеб и соль!
— Хлеб-соль?
— Нет, к черту старину!
Готовь коньяк и ветчину!

ФЛЮГЕР

— Меня главнее нет на свете:
Природу я в руках держу.
Вы замечали — дует ветер
Туда, куда я укажу.

ОДНОЛЮБЫ

Средь них согласие было,
И вкус единый был:
Она его любила,
И он себя любил.

КОНТРАСТНОСТЬ

Разделены незримою чертой,
Натуры две живут в его особе:
Он трезвый не способен ни на что,
А пьяный он на все способен.

НАУКЕ ВОПРЕКИ

Газводу продавал Сурок
И на брюшке растил жирок.
У проходимцев и проныр
Вода и та содержит жир.

ПРИМАЗАЛИСЬ

Узнав, что перьями гусиными когда-то
Писали классики поэмы и баллады,
Загоготали гуси сдуру:
— Га-га, мы вклад внесли в литературу!

МОЧАЛКА

Одна мечта владеет ею:
Кому б еще намылить шею.

ВЕНИК

Стоит в углу и смотрит косо
На гладкий корпус пылесоса.

РЕЗЕЦ

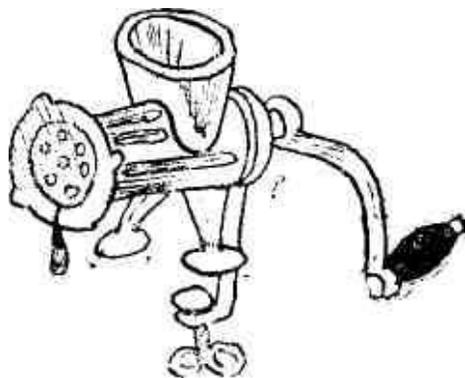
Всем доказал он повсеместно:
С болванки стружку снять полезно.

КРАСНЫЙ КАРАНДАШ

— Со мной полегче попрошу,
Я р-р-резолюции пишу!

СТАРАЯ МЯСОРУБКА

Нож затупился, стерся винт,
Лежит без дела,
И все же скрипнуть норовит:
— Вот я из вас котлету сделаю!

СМОТРА ПО ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ

При разговорах деловых
С тем, кто его повыше чином,
Прораб участка Клим Петров —

Корректный, вежливый мужчина.
Но на рабочих тут и там
Летят, как град, ругательства.
С одним — хорош, с другим он — хам,
Смотря по обстоятельствам.
Всех подчиненных этот тип
В ежовых держит рукавицах,
Но вот в присутствии жены
Он лишний раз чихнуть боится.
Так каждый день десяток раз
Свои меняет качества:
То он котенок, то он барс,
Смотря по обстоятельствам.
Непьющим Клим Петров слывет.
В кругу сотрудников и дома
Пригубит стопку, не допьет.
Но вот вдали от глаз знакомых,
В командировках глушит ром
Почти до помешательства.
Он пьет наперстком и ведром,
Смотря по обстоятельствам.
Раз Клима в сад наш заводской
Мы пригласили на субботник.
— Нет, не могу, едва живой!
Какой там из меня работник!
Но личный свой участок он
В тот день вскопал весь начисто.
Как муха слаб, силен, как слон,
Смотря по обстоятельствам.
Итак, у Клима два лица
И две души, и жизнь двойная.
Но терпят Клима, между тем
Хоть многие об этом знают.
А надо
 что-то предпринять:
За грубость
 и стяжательство

Критиковать
иль в шею гнать,
Смотря по обстоятельствам.

Людмила Коростина

* * *

Лесной тропинке, что ни день,
Мешал все больше старый пенёк.
А ведь бежала стороной,
Когда он был ещё сосной!

* * *

Вот рябина с березкою рядом —
Как не схожи лесные наряды!
Не мешает поклонницам моды
Поучиться у мудрой природы.

* * *

Покинув лес, экспрессом, без оглядки,
Умчалась ель в художественной кадке.
А там — не рай, условия другие...
И чахнет ель, увы, от ностальгии.

Юрий Подкорытов

ПУГОВИЦА

Она была беленькою, отливала перламутром и имела два изящных отверстия для ниток. Словом, это была настоящая Пуговица, и она готовилась стать украшением рубашки.

Старая Игла сразу почему-то невзлюбила ее. Судите сами: Игла была глуховата, так как имела одно ушко, и от старости туповата. Поэтому она обижалась на весь белый свет и всегда старалась уколоть кого-нибудь. Побаивалась она только наперстка.

Пришивая Пуговицу к рубашке, Игла ворчала:

— Мне кажется, вы не на своем месте, гражданочка.

Пуговица была молода и беспечна. Она весело отпарировала:

— Вы не только туповаты, но и подслеповаты. Взгляните на меня: я всегда и везде буду на своем месте.

— Посмотрим! — злорадно сказала Игла и из мести непрочко пришила Пуговицу. Нитка пыталась было протестовать, но Игла сурово оборвала ее.

Через некоторое время Пуговица оторвалась от рубашки.

— Скромности нет, — поджала губы Игла. — Да, да... Все было видно сразу. Нет, просто моральный облик ее не на высоте.

Напрасно Пуговица доказывала, что она не виновата, ей никто не хотел верить.

— Да вы пришейте меня к рубашке, — умоляла она.

— Вот еще! Потом хлопот не оберешься, репутация-то у тебя знаешь какая? То-то!

Игла торжествовала: уколола-таки мерзавку!

ПРОБКА

Пробке работу предложили. По специальности. О, как возмутилась Пробка:

— В бутылку меня загоняете? Не выйдет — у меня как-никак высшее гастрономическое. Не-ет, я лучше поплавком устроюсь... Во работенка! Болтаешься целый день, а глядишь — что-нибудь да и клюнет.

БРИТВА

Бритва слыла опасной. Так отбреет — только держись. Побаивалась она только Языка. И как-то раз польстила ему тонко:

— Ох, и острый же вы, Язык. Как... бритва!

РЕЗЕЦ

Резец литературным критиком стал.

— Режу правду-матку в глаза! Снимаю стружку! Без никаких! У меня свой творческий метод! — кричит.

— Это какой же? — спрашивают.

— А такой: как заточат, так и режу. Снимаю стружку, режу правду-матку в глаза! Без никаких!

Василий Макаров

ШУРУП

Шуруп был очень доволен, когда его перевели на должность Болта. «Давно пора, — говорил Шуруп, — сколько можно с дубьем возиться. А здесь — ничего, здесь работа железная!»

По-своему восприняли это назначение его новые сослуживцы. Первой возмутилась Гайка: «Кого нам прислали? Ведь мы же с ним резьбой не сходимся! Не-ет, работать с ним в контакте я отказываюсь!»

Вторым выразил неудовольствие Гаечный Ключ: «Э-э, так не пойдет! У него и голова-то не такая. Привык работать с Отверткой — вот пусть с ней и работает. А нам подавайте настоящий Болт, а не липовый!»

Пришлось снять Шуруп с этой должности, а так как все другие Болты были уже закреплены на своих местах, то вместо Шурупа вставили Шпильку.

ЦЕНА КОПЕЙКИ

Разменял Человек Рубль. Рубль, конечно, страшно негодовал, ему не хотелось размениваться на мелочь. Но что поделаешь, в жизни и не то бывает!.. Рубль морщился, у него вызвал неудовольствие жалкий звон вместо благородного хруста.

— Эй, ты, перестань звякать, — прикрикнул он на Копейку, — чего расшумелась?

— Как вы смеете так со мной разговаривать?! — возмутилась Копейка.

— Ну, ты, мелочь, поговори еще. И вообще, катись отсюда, много вас тут таких.

— Ах, так? — обиделась Копейка. — Ну, хорошо! — и выскользнула из кармана.

Полез Человек в карман, пересчитал деньги. Где же Рубль? Нет Рубля.

СИНЕВА

Все любят синеву.

Восхищаются синевой неба, восторгаются синевой моря. Очень любят синеву в глазах. Синеву около глаз — тоже любят, особенно модницы...

Синеву любят все.

«Странно, почему меня никто не любит?..» — рассуждал Синяк.

ОПТИМИСТ

«На то она и жизнь, чтобы подсовывать всякие пакости», — философски думал Карась, попавшись на крючок.

«Ничего, перебьемся», — не унывал Карась, оказавшись в ведерке.

«Все-таки жизнь — хорошая штука! — восторженно размышлял Карась, поджариваясь на сковородке. — Ну кто бы мог подумать, что мне окажут такой горячий прием!..»

СТАКАН ВОДЫ

Стакан воды всех уверяет в том,
Что он ведь — тоже водоем:
«Хоть я и невелик по кубатуре,

Однако ж и во мне бывают бури!...»

ДАЧА

Работал Жук завмагом десять лет,
И юбилейный закатить решил банкет.
К себе на дачу пригласил он всех знакомых —
И мух, и бабочек, и прочих насекомых...
«Вот это да-ача! — ахнули все вдруг. —
Ну и Ж-жжу-ук!...»

ПОЛОЖЕНИЕ С ПРЕДЛОЖЕНИЕМ

Новатор Кот принес однажды в Бриз
Рацпредложение по ловле крыс.
Проходит год, — все Кот решенья ждет,
А предложенье под сукном гниет...
Кот не учел, что в Бризе том осел
Осёл...

НЕ ТА УВЕРЕННОСТЬ

Начальник был уверен, что за стройку
Получит он хоть с минусом, но — «тройку»
Увы... случился у него прокол:
Ведь, кроме «тройки», есть еще и «кол»...

Ефим Ховив

ТВЕРДОЕ МНЕНИЕ

Доказывал
 с нахмуренным лицом,
Что яйца
 нужно бить
 тупым концом,
Но оговорку делал
 осторожно,
Что острым —
 тоже можно.

МОЧАЛКА

Порою трет,
 порою гладит —
По чину глядя.

СЕКРЕТ УСПЕХА

Для некоторых
 многих благ источник —
Один лишь гибкий...
 позвоночник.

ШУТНИК

Шумел, да так,
Что слышал весь квартал.
Кому-то в драке

Ребра посчитал.
И обижался
Все пятнадцать суток:
— Вот чудачки!
Не понимают шуток...

ЗАНОСЧИВОСТЬ

Дверная ручка
Загордилась:
Она с министрами
Водилась.

НЕ ВЕЧНЫЙ ИСТОЧНИК

Роман прозаик сочинил.
Немалые труды!
Ведь он извел
 бутыль чернил
И три ведра воды.
А дальше дело не идет:
Испортился водопровод.

СТОЙКАЯ БОЛЕЗНЬ

Сатира к пьянству
Гневом дышит,
Карикатурой, басней бьет.
Дела идут:
Сатирик пишет,
А пьяный слушает
...И пьет.

ХАНЖА

Иным ревнителям культуры
Никак не спится от... натуры.
Для беспокойства есть причина.
Пример наглядный — Аполлон.
Как ни вертите, но — мужчина,
И, между прочим, обнажен.
И эта... как там... Афродита...
Ревнитель хмурится сердито.
Он то краснеет, то бледнеет.
— Убрать! — он требует. — Не смей!
Ему бы власть — уж он сумеет
Богов с богинями одеть.

Рамазан Шагалеев

РАЗГОВОР С КРОТОМ

— Ну, что ты роешься в земле,
Слепой и глупый крот?
Ведь все живое не во мгле,
А на свету живет.

— И я хотел бы выйти в путь
При полном блеске дня,
Да страшно: зрячий кто-нибудь
Наступит на меня!

Пер. с башк. И. Рыжикова.

* * *

— Взбирался, слышал, ты на горную вершину.
Скажи, какой же вид оттуда на долину?
— Ах, вниз я не смотрел ни одного мгновения,
Боялся, упаду от головокружения.

Пер. с башк. К. Самойлова.

* * *

Директора критиковал
Вчера я на собрании.
Его характера не знал —
Уволен за незнание.

Пер. с башк. Е. Ховива.

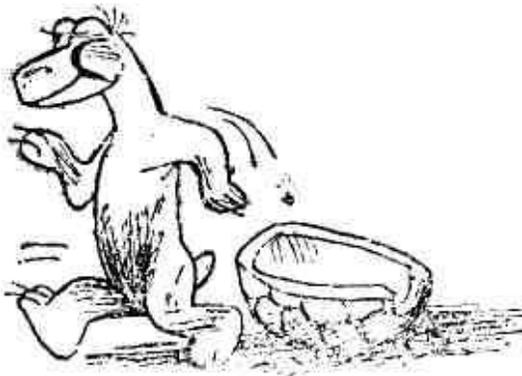
* * *

Борода — мочало —
Мудрости начало.
Бородатых много,
Аксакалов — мало.

Пер. с башк. Е. Ховива.

ЧЕРЕПАХА

Ругало черепаху
Собрание зверей:
— Ты ходишь очень медленно,
Нельзя ли поскорей?

— Ну, что ж, — она сказала, —
Я свой ускорю ход.
Но кто из вас за это
Мой панцирь понесет?

Пер. с башк. Е. Ховива.

* * *

— Ах, сколько снял я в том году
Отменных яблок, страсть!
И помнишь,
 как в моем саду
Ты угощался всласть?

— Ну как не помнить?
Я давно Рассказываю всем,
Как ты выглядывал в окно:
Не много ли я съем!

Пер. с башк. И. Рыжикова.

СЧАСТЛИВАЯ ПРИМЕТА

— Ты бил горшки, тарелки бил подряд,
Но обижаться на тебя не буду.
— Тарелки к счастью бьются, говорят.
— Так вот зачем
 ты нашу бил посуду!

Пер. с башк. Е. Ховива.

КАК ПОЙМАТЬ ЛИСУ?

Поймать лису — вопрос не прост,
И все-таки по простоте
Скажу: хватай ее за хвост —
Вся хитрость у нее в хвосте.

Пер. с башк. Е. Ховива.

ОТЧЕГО СОБАКА ЛАЕТ?

Коль собака лает, скажут — злая...
Лают псы уже не первый век.
Видно, предка их
 когда-то лаю
Обучил недобрый человек.

Пер. с башк. Е. Ховива.

* * *

Завптицефермою Асхат
Цыпляток по весне считает,
Поскольку большинство цыплят
До осени не доживает.

Пер. с башк. В. Миронова.

* * *

Сестра таланта — краткость, говорят.
Слагая стих,
Умей поставить точку.
Но помни, стихотворец —
 мой собрат,
Что платят не за мысль —
Увы! —
 за строчку!

Пер. с башк. В. Миронова.

Николай Егоров

ФРАЗЫ

Баран, а с головы до ног в каракуле.

Велосипедный насос не мог терпеть, чтобы не надуть, и часто имел дело с камерами.

Мастера кондитерской фабрики уволили за то, что он только кренделя и выделывал.

Муж-идеал. Вот Верблюд: не курит, редко пьет и ест, что попало.

Умственный труд. Дятел — вот тот действительно головой работает.

Вначале было слово, потом олово, потом луженая глотка.

Торговля из-под прилавка. Оставили бабушке рожки да ножки.

Говорит, лапу сосет, а вся семья в таких шубах ходит.

Юрий Никитин

ФРАЗЫ

От его светлой головы на сослуживцев падала тень.

В столовой он — за всех, в работе — все за него.

Свои незаконченные дела он объяснял незаконченным высшим образованием.

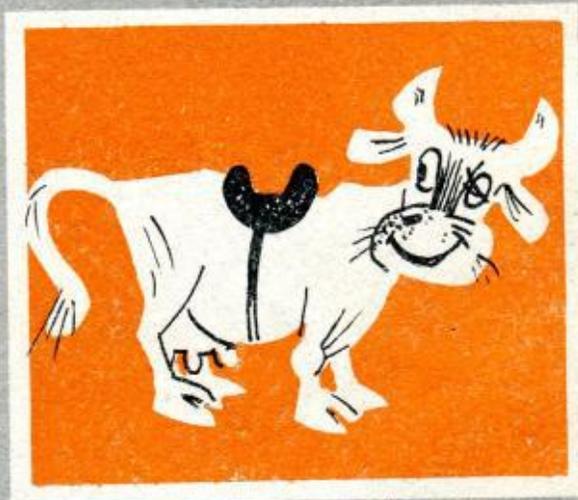
У нее был настолько тонкий вкус, что его никто не замечал.

С любимым готова идти на край света, а на субботник с товарищами — ноги устают.

Повара на работе «солили» друг другу, а пересоленный суп расхлебывали посетители.

Неонумизмат — собиратель денег на автомашину.

40 к.

Челябинск
Южно-Уральское
книжное издательство
1985